

„МАРІЯ СТЮАРТЪ“.

Трагедія Шиллера.

Переводъ А. В. Плотникова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Елисавета, королева англійская.

Марія Стюартъ, шотландская королева, плѣнница Елисаветы.

Робертъ Дудлэй, графъ Лейчестеръ.

Георгъ Тальботъ, графъ Шрюсбѣри.

Вильямъ Сесиль, лордъ Борлэйгъ, канцлеръ казначейства.

Графъ Кентъ.

Вильямъ Дэвисонъ, государственный секретарь.

Амiasъ Паулетъ, рыцарь, стражъ Маріи.

Мортимеръ, его племянникъ.

Графъ Обепинъ, французскій посланникъ.

Графъ Бельевръ, чрезвычайный французскій посланникъ.

Окэлли, другъ Мортимера.

Друджэнь Дрюри, помощникъ Паулета.

Мельвилъ, гофмейстеръ Маріи.

Анна Кэинеди, ея кормилица.

Маргарита Курль, ея фрейлина.

Шерифъ графства.

Гвардейскій офицеръ.

Пажъ Елисаветы.

Придворные, драбанты, слуги англійской королевы, слуги и служанки шотландской королевы.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Замокъ Фотринтай. Комната.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Анна Кэннеди, кормилица шотландской королевы, въ горячемъ спорѣ съ **Паулетомъ**, который намѣренъ открыть шкафъ. **Дрюри**, ея помощникъ, съ ломомъ въ рукахъ.

Кэннеди.

Что вамъ угодно, сэръ? Какая дерзость!
Не троньте шкафа! Прочь отсюда, прочь!

Паулетъ.

Откуда брилліанты къ вамъ попали?
Кто ихъ отсюда сверху въ садъ бросалъ,
Чтобъ подкупить садовника? Будь проклятъ
Вашъ хитрый, женскій умъ! Какъ ни смотри,
Обыскивай иль иѣтъ, — опять у нихъ
И золото, и вещи дорогія!

(Осматривая шкафъ.)

Гдѣ это было спрятано, тамъ есть
И что-нибудь другое...

Кэннеди.

Прочь отсюда!

У лѣди здѣсь лежатъ секреты.

Паулетъ.

Ихъ-то

И нужно. *(Достаетъ бумаги.)*

Кэннеди.

Тутъ пустыя все бумаги,
Чтобы разсѣять скуку заточенья,
Она писала ихъ...

Паулетъ.

Отъ скуки празднои

Родятся злыя мысли.

Кэннеди.

Это все

Заниски на французскомъ языкѣ.

Паулетъ.

Тѣмъ хуже! То языкъ враждебный намъ.

Кэннеди.

Тутъ черновыя письма къ королевѣ.

Паулетъ.

Я передамъ ихъ... Это что?... Какъ будто
Сверкнуло что-то...

(Подавивъ пружину, вынимаетъ изъ потайной ящика богатое украшеніе.)

Царская повязка!

Осыпана камнями дорогими...

И лиліи вокругъ...

(Отдаетъ своему товарищу.)

Возьми-ка, **Дрюри**,

И положи туда, гдѣ остальное.

(Дрюри уходитъ.)

Кэннеди.

Безсовѣстный грабежъ!

Паулетъ.

Пока у ней

Въ рукахъ такія вещи, ужъ не жди
Добра, все можетъ быть для насъ опаснымъ
Орудіемъ...

Кэннеди.

Ахъ, сэръ! Оставьте намъ

Послѣднюю отраду въ нашей жизни!

Она такъ любить въ грустныя минуты

Остатками величья развлекаться,

Все прочее вы отняли у насъ.

Паулетъ.

Не сомнѣвайтесь, все сохранно будетъ

И возвратится въ цѣлости, когда

Настанетъ время.

Кэннеди.

Кто бы, посмотрѣвъ

На эти стѣны голыя, подумалъ

Что здѣсь, средь нихъ—жилище королевы?!

Не высится надъ нею сводъ небесный,

И тяжело ногамъ ея, привыкшимъ

Къ коврамъ, ступать по этимъ жесткимъ пли-

тамъ

И за столомъ все олово, чего бы

Никакъ не допустила у себя
Послѣдняя дворянка...

Паулетъ.

Не она-ли,
Супруга угощала такъ когда-то,
Въ то время, какъ съ любовникомъ сама
Изъ золота пила?

Кеннеди.

Нѣтъ самой нужной,
Для насъ почти необходимой вещи,
Нѣтъ зеркала...

Паулетъ.

Тѣмъ лучше. Меньше будетъ
Гордиться и мечтать о невозможномъ.

Кеннеди.

Нѣтъ книгъ, нѣтъ пищи для души...

Паулетъ.

За то

Есть Библия, чтобы исправить сердце

Кеннеди.

И даже лютию унесли отсюда.

Паулетъ.

Избави Богъ отъ сладострастныхъ пѣсень!

Кеннеди.

Такой ли участи достойна та,
Боторая воспитана такъ нѣжно.
Она была царицей съ колыбели,
И при дворѣ роскошномъ Медичисовъ
Все дѣтство провела въ довольствѣ, нѣгѣ.
Довольно и того, что вы лишили
Ее свободы, а теперь хотите
Отнять у ней пустыя бездѣлушки.
Съ душой высокой, ей легко привыкнуть
Къ несчастью, но разстаться тяжело
Съ ничтожнѣйшими радостями жизни.

Паулетъ.

Видъ роскоши въ душѣ питаетъ гордость,
А ей одно раскаянье осталось.
И развѣ только нищетой, смиреньемъ
Ей можно искупить свои пороки.

Кеннеди.

Еще ей будетъ время примириться
И съ Господомъ, и съ совѣстью своею!
Она такъ молода. Къ тому же нѣтъ
Судьи вадъ нею здѣсь, въ странѣ британской.

Паулетъ.

Судъ будетъ тамъ, гдѣ было преступленье.

Кеннеди.

Она и такъ ужъ лишена свободы.

Паулетъ.

А все-таки сумѣла взволновать
Умы и въ государство бросить факелъ
Междоусобной брани. Не она ли
Составила здѣсь умыселъ злодѣйскій
На жизнь Елисаветы? Не она ли
Къ царевубійству возбудила Парри
И Бабингтона? Ей не помѣшала
Желѣзная рѣшетка оболѣстить
Норфолка! Голова его, краса
Всей Англіи, скатилась подъ сѣкирой.
И все-таки его примѣръ печальный

Не удержалъ безумныхъ. Сколько жертвъ
Изъ-за нея погибло! Эти казни
Не кончатся, пока она сама,
Виновица всего, не станетъ жертвой.
О, проклять день, въ который такъ радушно
Нашъ берегъ принялъ новую Елену!

Кеннеди.

Кого, ее здѣсь приняли радушно?!
Несчастная, оставленная всѣми,
Она сошла на англійскую землю,
О помощи моля сестру родную,
Ища у ней опоры и защиты,
А вы, поправъ народныя, святыя
Права и царскій санъ ея униживъ,
Ее въ тюрьму измѣной заключили.
Заставивъ испытать всю горечь плѣна,
Вы повлекли ее къ суду и дерзко
Осмѣлились играть ея судьбой.

Паулетъ.

Она сюда бѣжала, какъ убійца;
Народъ изгналъ ее, лишивъ престола,
Такъ тяжко опозореннаго ею.
Она нашъ врагъ заклятый. Ей хотѣлось
Возобновить кровавую эпоху
Владычицы Испаніи, Маріи,
Чтобъ Англію потомъ предать во власть
Католицизму, партіи французской!
Зачѣмъ не захотѣла подписать
Трактатъ, предложенный ей въ Эдинбургѣ?
Зачѣмъ не захотѣла отказаться
Отъ правъ своихъ на англійскій престолъ?
И подчеркомъ пера открыть дорогу
Къ свободѣ? Нѣтъ, она хотѣла лучше
Сидѣть въ тюрьмѣ, страдать, чѣмъ отказаться
Отъ призрака титула королевы.
А для чего? Она до сей поры
Душою отдается заговорамъ
И думаетъ, что, ими всѣхъ опутавъ,
Британію легко завоевать.

Кеннеди.

Ахъ, сэръ! Вы насмѣхаетесь надъ бѣдой...
Жестоки вы, къ чему жъ еще и горечь
Насмѣшки! Ей ли, заживо зарытой
Въ тюрьмѣ, питать подобныя мечты?
Нѣтъ, не дойдетъ сюда отрадный голосъ
Друзей и звукъ родной не долетитъ,
И кромѣ мрачныхъ лицъ тюремныхъ стражей
Здѣсь образа людского не увидишь.
Еще недавно новый стражъ явился,
Вашъ родственникъ... Какъ грубъ онъ! Ото-

всюду

Окружена преградами она.

Паулетъ.

Отъ хитростей ея не защитить
Желѣзные запоры. Ихъ не трудно
Перепилить и развѣ я не знаю,
Что даже эти стѣны не надежны.
Когда я сплю, легко впустить измѣну.
Проклятая обязанность быть стражемъ
На все готовой женщины коварной!
Не развѣ отъ сна пробудившись въ испугъ,

Всю ночь, какъ призракъ, бродишь здѣсь и смотришь:

Вѣрна-ли стража, крѣпки-ли замки.
И съ трепетомъ ждешь утра, все боишься,
Чтобъ не нажить какой бѣды. Да, ладно!
Надежда есть, что скоро ужъ настанетъ
Конецъ. Не то, я лучше соглашусь
Стеречь въ аду на муку осужденныхъ,
Чѣмъ эту королеву.

Кэннеди.

Замолчите!

Она идетъ сюда сама.

Кэннеди.

Вотъ посмотри! Онъ разломалъ люнетъ
И взялъ твои бумаги, онъ похитилъ
Послѣднее сокровище твое,
Которое съ такимъ трудомъ старались
Мы сохранить,—единственный остатокъ
Вѣнчальнаго убора... Все, что было
Послѣдняго изъ царственныхъ вещей.

Марія.

Ахъ, Анна, успокойся! Мнѣ не нуженъ
Теперь уборъ блестящій. Пусть они
Обходятся такъ низко съ нами, этимъ

Паулетъ.

Въ рукахъ
Распятіе, а въ сердцѣ лозь и гордость.

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Тѣ же и Марія, *подъ покрываломъ, въ рукѣ держитъ распятіе.*

Кэннеди (*спѣшитъ къ ней навстрѣчу*).

Мы пограны погами, королева!
Жестокости, тиранству нѣтъ предѣловъ!
Что день, то новыя страданья, новый
Позоръ твоей вѣнчанной головѣ!

Марія.

Скажи мнѣ, что случилось? Успокойся!

Имъ не удастся насъ съ тобой унижить.
Мнѣ нужно здѣсь ко многому привыкнуть.
Я все перенесу. Напрасно, сэръ,
Берете силой вы, что я хотѣла
Сегодня же отдать вамъ добровольно.
Здѣсь есть письмо къ британской королевы,
Къ моей сестрѣ. О, поклонитесь мнѣ,
Что вы мое письмо передадите
Ей въ собственныя руки, а не въ руки
Измѣнника Борлейга.

Паулетъ.

Тамъ посмотримъ!

Марія.

Я расскажу вамъ даже содержанье:
Я умоляю въ немъ доставить мнѣ
Единственную милость—съ ней самой

Увидѣться... Ее я не видала...
 Меня на судъ потребовать дерзнули,
 Но я не признаю судей неравныхъ,
 Я не могу быть съ ними откровенной.
 Одна Елисавета мнѣ равна
 По сану и рожденію. Ей одной,
 Какъ королевѣ, какъ сестрѣ моей
 И женщинѣ, готова я признаться.

Паулетъ.

Мнѣ помнится, милэди, вы ввѣрили
 Не разъ свою судьбу и честь мужчинамъ,
 Увы, не столь достойнымъ уваженья.

Марія.

Еще прошу я объ одномъ, и въ этомъ
 Мнѣ было бы жестоко отказать.
 Ужъ съ давнихъ поръ я лишена въ темницѣ
 Причастія небесной благодати
 И утѣшенія церкви. Все взяла
 Она, корону и свободу... жизни
 Моей грозить опасность... Ахъ, ужели
 Она мнѣ путь къ спасенью преградить?

Паулетъ.

Здѣсь есть деканъ, и если вамъ угодно...

Марія (*съ живостію сю прерываетъ*).

Я не хочу декана. Дайте мнѣ
 Служителя одной со мною церкви.
 Я требую еще, чтобы пришелъ
 Нотаріусъ съ писцомъ для исполненія
 Моей послѣдней воли. Мнѣ не долго
 Осталось жить: печаль и заточенье
 Меня убили. Дни ужъ сочтены,
 Себя считаю я почти умершей.

Паулетъ.

Такия мысли вамъ вполнѣ приличны.

Марія.

А можетъ быть предательскій ударъ
 Мою кончину близкую ускорить.
 Поэтому мнѣ хочется скорѣе
 Составить завѣщанье и заранѣ
 Распорядиться всѣмъ, что я имѣю.

Паулетъ.

Въ томъ ваша воля. Вѣрно королева
 Награбленнымъ не станетъ разживаться.

Марія.

Съ моими вѣрными слугами я
 Давно разлучена. Не знаю даже,
 Что съ ними, какъ живутъ они и гдѣ?
 Но я не успокоюсь, если люди,
 Мнѣ преданные, будутъ въ чемъ-нибудь
 Нуждаться...

Паулетъ.

Позаботились объ нихъ. (*Она хочетъ идти.*)

Марія.

Какъ, сэръ, ужъ вы уходите отсюда?
 Опять меня оставить вы хотите,
 Не облегчивъ моей души отъ этой
 Безвѣстности мучительной и тяжелой?
 Благодаря шпіонству вашихъ стражей,
 Отъ міра я совсѣмъ отдѣлена.
 Ничто сквозь эти стѣны не проникнетъ.

Моя судьба въ рукахъ моихъ враговъ.
 Съ тѣхъ поръ прошелъ ужъ цѣлый длинный
 мѣсяцъ,

Какъ сорокъ комиссаровъ вдругъ явились
 Въ мою темницу, наскоро открыли
 Здѣсь засѣданье, безъ предупрежденій,
 Безъ адвоката, — и меня внезапно
 На этотъ небывалый судъ позвали.
 На ихъ хитросплетенные допросы
 Я отвѣчать была не въ состояннй:
 Я не могла опомниться отъ страха.
 И вдругъ... они, какъ призраки, исчезли..
 Съ тѣхъ поръ все снова вокругъ меня молчитъ.
 Напрасно я стараюсь прочитать
 У васъ въ глазахъ, что одержало верхъ?
 Невинность ли моя, или защита
 Моихъ друзей, или враговъ совѣты?
 Прервите же молчанье и скажите,
 На что могу надѣяться, чего
 Могу бояться?

Паулетъ (*послѣ нѣкоторо-
 раго молчанія*).

Вамъ осталось кончить

Свои расчеты съ Богомъ.

Марія.

Я надѣюсь,

Что Богъ меня помилуется, но также
 Надѣюсь я, что и земные суды
 Неправосудными не будутъ.

Паулетъ.

Нѣтъ.

Судъ учинять надъ вами по законамъ.

Марія.

Скажите, сэръ, ужъ конченъ мой процессъ?

Паулетъ.

Не знаю.

Марія.

Я осуждена?

Паулетъ.

Не знаю,

Милэди.

Марія.

Здѣсь откладывать не любятъ.

И точно такъ же, можетъ быть, неожиданно
 Придетъ убійца, какъ явились судьи.

Паулетъ.

Все можетъ быть. Подумать не мѣшаетъ.
 Тогда ужъ васъ врасплохъ онъ не застанетъ.

Марія.

Я не найду неожиданнымъ приговоръ,
 Составленный въ Вестминстерѣ судьями;
 Извѣстно мнѣ, что ими руководятъ
 Противники мои, Борлэйгъ и Готтонъ.
 Я знаю также то, на что способна
 Моя сестра Елисавета...

Паулетъ.

Лэди!

Англійскіе монархи лишь подвластны
 Парламенту и совѣсти своей.
 Законъ велитъ, и власть должна исполнять,
 Предъ цѣлымъ свѣтомъ, слѣпо эту волю.

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Тѣ же и Мортимеръ, племянникъ Паулета, входитъ и, не обращая никакого вниманія на королеву, говоритъ дядѣ.

Мортимеръ.

Васъ ищутъ, дядя.

(Точно также уходитъ. Королева замѣчаетъ это съ неудовольствіемъ и, обращаясь къ Паулету, который хочетъ за нимъ слѣдовать.)

Марія.

И еще прошу васъ:

Когда мнѣ говорите вы, снести
Я многое готова; въ ваши лѣта
Простительно, но я не потерплю
Заносчивости юноши такого.
Прошу васъ отъ нея меня уволить.

Паулетъ.

Что вамъ противно, нравится мнѣ въ немъ.
Онъ не изъ тѣхъ извѣженныхъ глупцовъ,
Которые отъ женскихъ слезъ готовы
Расплакаться. Онъ всюду побывалъ,
Въ Парижѣ, въ Реймсѣ, и въ груди своей
Хранитъ онъ чисто англійское сердце.
Надъ нимъ безсильны ваши чары, леди!

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Марія и Кэннеди.

Кэннеди.

Такъ грубо намъ онъ смѣетъ говорить,
Смотря въ лицо? Ужасно!

Марія (погруженная въ задумчивость).

Прежде, помнишь,

Съ какою мы охотою внимали
Лъстецамъ, теперь же, добрая Кэннеди,
Должны мы слушать горькіе упреки,
И справедливо это.

Кэннеди.

Какъ, миледи?

Куда дѣвалась ваша бодрость? Прежде,
Бывало, вы старались утѣшать
Меня, а мнѣ скорѣй васъ приходилось
За вѣтренность журить, чѣмъ развлекать
Отъ грусти, вдругъ теперь?.. Откуда въ васъ
Такая робость и покорность?

Марія.

Да,

Въ себѣ я замѣчаю перемену,
Съ тѣхъ поръ, какъ тѣнь кровавая Даргиса,
Разгнѣвана, изъ гробоваго свода
Является, — она мнѣ дастъ покой,
Когда преидетъ моихъ несчастій мѣра.

Кэннеди.

Какія мысли васъ смущаютъ, леди?

Марія.

Ты позабыла, Анна, я же помню...

Сегодня снова годъ, какъ совершилось

Ужасное событіе. Этотъ день
Я провожу въ молитвѣ и постѣ.

Кэннеди.

Гоните отъ себя зловѣщій призракъ...

Давно вы искупили этотъ грѣхъ
Страданьями и долгимъ покаяньемъ;
Самъ Богъ простилъ и церковь отпустила.

Марія.

Давно забытый грѣхъ встаетъ изъ гроба,
Зарытого не слишкомъ глубоко;
Кровь свѣжая струится предъ глазами,
И крестъ въ рукѣ священника, и звуки
Колоколовъ церковныхъ — не заставляютъ
Уйти въ могилу мстительную тѣнь.

Кэннеди.

Не вами былъ убитъ онъ, а другими.

Марія.

Я знала все, убійство допустила,
Предательски сама вела подкопъ.

Кэннеди.

Васъ ваши годы могутъ извинить:
Тогда вы были молоды...

Марія.

И юность

Я заклеила тяжкимъ преступленьемъ.

Кэннеди.

Онъ вамъ нанесъ жестокою обиду,
Надменностью глубоко оскорбилъ,
Тогда какъ вы его своей любовью
Изъ праха извлекли, и, обвинявшись,
Все отдали ему, — престолъ, себя,
Могучихъ предковъ царскую корону.
Какъ могъ забыть онъ, что лишь вамъ обязанъ
Онъ участію блестящею своею!
Великодушье ваше и любовь
Забывъ, ничтожный! И за нѣжность вашу
Онъ низко заплатилъ презрѣньемъ грубымъ.
Онъ оскорбилъ васъ гнуснымъ подозрѣньемъ,
Противень сталъ, — повязка спала съ глазъ,
Его любви нечистыя объятія
Съ презрѣньемъ вы отвергли... Что же онъ?
Старался ли онъ снова приобрести
Любовь и милость вашу? Онъ бы долженъ
Съ раскаяньемъ лежать у вашихъ ногъ
И обѣщать исправиться; а онъ,
Презрѣнный, вздумалъ выказать надъ вами
Могущество свое; въ глазахъ у васъ
Велѣлъ убитъ онъ вашего любимца
Прекраснѣйшаго Ричіо — пѣвца.
За кровь вы только кровью отомстили.

Марія.

И эта кровь давно ужъ проситъ мести.
Ты, утѣшая, Анна, мнѣ сказала
Жестокій приговоръ.

Кэннеди.

Но вы тогда

Собою не владѣли, вы не знали,
Что дѣлали. Безумная любовь
Вашъ свѣтлый разумъ сразу помрачила.
И Ботвелъ, этотъ страшный соблазнитель,
Презрѣнный Ботвелъ вами овладѣлъ.

Злодѣй! Онъ васъ заставилъ покориться
Своей желѣзной волѣ, ваше сердце
Приворожилъ какимъ-то адскимъ зельемъ,
Какимъ-то чародѣйствомъ...

Марія.

Чародѣйство

Его лишь состояло въ томъ, что я
Была слаба, а онъ меня сильнѣе.

Кэннеди.

Я говорю вамъ, нѣтъ. Всѣ силы ада
На помощь онъ призывалъ, чтобы опутать
Вашъ ясный умъ. Вы больше не хотѣли
Внимать моимъ совѣтамъ, все исчезло—
Приличіе и женская стыдливость,
И ваши щеки, гдѣ обыкновенно
Игралъ румянецъ скромности, заглянсь
Однимъ огнемъ желаній сладострастныхъ.
Таинственности сброшенъ былъ покровъ.
Мужской порокъ и дерзкое безстыдство
Надъ робостью побѣду одержали.
Своимъ позоромъ явно вы кичились
Въ то время, какъ во слѣдъ ему гремѣли
Проклітія народа. Онъ, убійца,
Дерзнулъ нести съ триумфомъ передъ вами,
По улицамъ столицы вашей, мечъ
Шотландскихъ королей! Вы окружили
Парламентъ войскомъ и самихъ судей
Заставили въ святилищѣ закона
Безбожную комедію сыграть.
И оправдать виновнаго въ убійствѣ...
Но этого всего вамъ было мало—
Вы... О, Творецъ...

Марія.

Доканчивай! Ему же
Я руку отдала предъ алтаремъ!

Кэннеди.

Пусть вѣчное молчаніе покроетъ
Былое! Такъ себя унизить, пасть...
А между тѣмъ совсѣмъ вы не развратны.
Я знаю, я вспомла васъ, вскормила:
Въ васъ сердце нѣжно и оно стыду
Доступно. Въ васъ одинъ порокъ ничтожный:
Вы вѣтренны. Я повторяю, есть
На свѣтѣ злые духи, и они
На время входятъ въ душу человѣка,
Чтобъ сдѣлать зло, и улетаютъ въ адъ,
Въ запятнанной груди оставивъ ужасъ.
Съ тѣхъ поръ за то вы больше ничего
Не сдѣлали худого. Я свидѣтель,
Что вы совсѣмъ другая. Такъ довольно
Грустить, пора съ собою примириться!
А если въ чемъ когда и согрѣшили,
Такъ это вѣдь не въ Англіи свершилось.
Вы видите: ни англійскій парламентъ,
Ни королева васъ судить не въ правѣ;
Предъ дерзкимъ ихъ судомъ ты можешь смѣло
Предстать со всею отвагою чистоты.

Марія.

Кто тамъ идетъ?

(Мортимеръ показывается у дверей.)

Кэннеди.

Племянникъ. Уходите.

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Тѣ же и Мортимеръ входитъ, олядываясь.

Мортимеръ (кормилицѣ).

Прошу васъ, станьте тамъ, у этой двери,
Мнѣ нужно объясниться съ королевой.

Марія (со страхомъ).

Останься, Анна.

Мортимеръ.

Вашъ меня, миледи,
Бояться нечего. Взгляните, вотъ!

(Подаетъ ей записку.)

Марія (взглянувъ, от-
ступаетъ).

Какъ! что я вижу?

Мортимеръ (кормилицѣ).

Выйдите отсюда,

Кэннеди! И смотрите, чтобъ мой дядя
Насъ не засталъ.

Марія (кормилицѣ, которая
медлитъ и вопросительно
глядитъ на королеву).

Иди! иди! И дѣлай,

Что онъ сказалъ.

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Мортимеръ и Марія.

Марія.

Изъ Франціи! Отъ дяди, кардинала!

(Читаетъ.)

«Вы можете довѣриться вполне
«Подателю сего. Сэръ Мортимеръ
«Вашъ вѣрный другъ, другого не найдете
«Быть можетъ въ цѣлой Англіи».
(Съ удивленіемъ глядитъ на Мортимера.)

Могу-ль

Повѣрить? Не обманъ ли это чувство?
Давно-ль казалось мнѣ, что цѣлый свѣтъ
Меня оставилъ, и такъ близко, въ васъ
Я друга нахожу! И вы, племянникъ
Начальника моей тюрьмы, который
Мой злѣйшій врагъ...

Мортимеръ (бросаясь къ
ея ногамъ).

Простите, королева,

Что я носилъ такъ долго эту маску,
Мнѣ это трудной стоило борьбы,
Но, ей благодаря, теперь могу я
Имѣть къ вамъ доступъ,—помощь и спасенье
Вамъ обещаю...

Марія.

Встаньте, сэръ, меня

Вы поразили. Трудно мнѣ такъ быстро
Изъ глубины моихъ несчастій снова
Къ надеждѣ обратиться. Говорите,
Чтобъ было мнѣ понятнымъ это счастье,
Чтобъ вѣрить я могла.

Мортимеръ (встаетъ).

Часы бѣгутъ;

Мой дяди скоро будетъ здѣсь и съ нимъ
Явиться долженъ спутникъ ненавистный.
Но прежде чѣмъ ужасное извѣстье
Васъ поразить, должны вы отъ меня
Узнать о томъ, что небо вамъ готовить
Спасенье.

Марія.

Промыслъ Божій всемогущъ!

Мортимеръ.

Позвольте мнѣ сначала о себѣ.

Марія.

Скорѣ, сэръ, скорѣ говорите!

И очутился подъ стѣнами Рима...

Что сдѣлалось со мной, о, королева!

Когда передо мною вдругъ возникли

Дворцы великолѣпные и арки,

Когда предсталъ гигантскій Колизей

Моимъ очамъ, и я себя увидѣлъ

Въ чудесномъ мірѣ генія искусства!

Доселѣ я не повиная искусства:

Чуждается религія моя

Всѣхъ образовъ; и красоты наружной

Не терпитъ, почитая неизмѣнно

Одно лишь невещественное слово.

Что сдѣлалось со мной, когда вошелъ

Я въ церковь, и услышалъ, восхищенный,

„Простите, королева, что я носилъ такъ долго эту маску...“

Мортимеръ.

Мнѣ было только двадцать лѣтъ, миледи.
Я выросъ въ строгихъ нравахъ, съ молокомъ
Всосалъ къ папистамъ ненависть, но вотъ
Пришло неодолимое желанье
Увидѣть материкъ, и я оставилъ
Суровыя собранья пуританъ,
Оставилъ край родной, проѣхалъ быстро
Всю Францію, желая поскорѣ
Италію прославленную видѣть.
Въ то время былъ большой церковный
праздникъ;

Со всѣхъ сторонъ стекались пилигримы,
И каждый храмъ украшенъ былъ цвѣтами.
Базальскій, рай отверзся для людей,
И всѣ туда спѣшили. Я невольно
Былъ увлеченъ толпой благочестивой

Небесную гармонию; когда
Мой взоръ былъ пораженъ картинъ богатырскихъ

Раскиданныхъ на потолокъ и на стѣнахъ!

И мнилось мнѣ, что будто эти лица

Предъ взорами моими оживаютъ.

Вотъ Благовѣщенье, вотъ Рождество

Спасителя, здѣсь Троица Святая,

Здѣсь Матерь Божья и Преображенье.

Но что, когда, восторженный, узрѣвъ я

Служенье папы, полное величья,

Его благословеніе народамъ!

Что золото предъ нимъ, что брилліанты,

Царей земныхъ пустое украшенье!

Онъ мнѣ казался божествомъ, а храмъ

Небеснымъ раемъ; тамъ блистало все

Не здѣшней красотой.

Марія.

О, перестаньте!

Къ чему меня манить далекимъ міромъ,
Блестящимъ и живымъ. Я здѣсь въ темницѣ,
Страдаю...

Мортимеръ.

Я, подобно вамъ, носилъ
Оковы, но онѣ на мнѣ распались,—
И ощутилъ мой духъ свою свободу,
И для меня настала жизнь другая.
Мнѣ ненавистна сдѣлалась формальность,
Себя вѣкомъ украсивши цвѣтущимъ,
Я весело присталъ къ толпѣ веселой.
И множество шотландцевъ благородныхъ
Я повстрѣчалъ, и множество французовъ.
Я былъ представленъ кардиналу Гизу.
Ахъ, что за человѣкъ вашъ добрый дядя!
Какъ остороженъ, простъ и вмѣстѣ съ тѣмъ
Великъ! Рожденъ онъ управлять умами,
Я не видалъ людей ему подобныхъ!
Онъ образецъ и пастыря и князя.

Марія.

Вы видѣли черты, столь дорогія
Для сердца моего, черты того,
Кто воспиталъ меня отъ юныхъ лѣтъ.
О, говорите мнѣ о немъ! Онъ помнить?
Онъ не забылъ меня? Онъ также счастливъ?
Какъ прежде, онъ опора церкви всей?

Мортимеръ.

Онъ снизошелъ истолковать мнѣ лично
Значенье догматовъ и разрѣшилъ
Сомнѣнья сердца, доказавъ мнѣ ясно,
Что, умствуя лукаво, вѣчно мы
Впадаемъ въ заблужденья, что для глазъ
Необходимо то, чему мы вѣримъ
Однимъ лишь сердцемъ, что безъ паны церкви.
Какъ тѣло безъ главы, что правды духъ
Хранится лишь въ преданіяхъ отцовъ,
И всѣ мои мечтанья молодыя
Мгновенно разлетѣлись предъ его
Умомъ и передъ силой убѣжденья.
Я возвратился въ лоно общей церкви,
И въ прежнихъ заблужденіяхъ своихъ
Раскаялся предъ нимъ чистосердечно.

Марія.

Вы были лишь изъ тысячи одинъ,
Которыхъ онъ увлекъ небесной силой
Своихъ рѣчей и обратилъ къ спасенію.

Мортимеръ.

Служебныя обязанности вскорѣ
Его назадъ во Францію призвали;
Меня же онъ отправилъ въ городъ Реймсъ,
Гдѣ скромные отцы іезуиты
Приготавливаютъ пастырей для церкви.
Тутъ встрѣтилъ я вамъ преданныхъ шотландцевъ,
Тамъ старый Морганъ и ученый Лесли,
Епископъ Россійскій, жизнь ведутъ въ изгнаньи.
Я сблизился съ достойными мужами
И укрѣпился въ вѣрѣ. Разъ, когда
Я былъ въ гостяхъ у Лесли, вдругъ случайно

Увидѣлъ я портретъ какой-то дамы
Небесной, чудной красоты. Глубоко
Онъ поразилъ меня, и я стоялъ,
Своимъ волненіемъ овладѣть не въ силахъ.
Тогда, мое замѣтивши вниманье,
Епископъ мнѣ сказалъ: не мудрено,
Что сильно такъ васъ поразилъ портретъ:
Здѣсь передъ вами женщина, которой
Прекраснѣй нѣтъ нигдѣ на цѣломъ свѣтѣ,
Но также нѣтъ и болѣе ея
Достойной сожалѣнья всѣхъ; она
Страдала за насъ, за нашу вѣру,
И Англія—ея страданій мѣсто.

Марія.

Почтенный человѣкъ! Нѣтъ, у меня
Еще не все утрачено, покуда
Въ несчастіи подобный другъ остался.

Мортимеръ.

Потомъ онъ началъ сильными словами
Изображать мнѣ рядъ страданій вашихъ,
Всю низость, всѣ жестокости враговъ.
Онъ вашу родословную подробно
Мнѣ разсказалъ и ваше отъ Тюдоровъ
Происхожденіе предо мной развилъ.
Вполнѣ онъ ясно доказалъ, что вамъ
По всѣмъ правамъ принадлежитъ корона,
Которой завладѣла незаконно
Елисавета; что ее самъ Генрихъ,
Отецъ ея, призналъ побочной. Впрочемъ,
Однимъ его словамъ я не повѣрилъ;
Ко всѣмъ законовѣдамъ обращался,
Всѣ старые гербовники не разъ
Я перерылъ внимательно, и всѣ
Единоголосно подтвердили мнѣ
Законность вашихъ правъ. Тогда глубоко
Я убѣдился, какъ несправедливо
Здѣсь съ нами поступили; вамъ по праву
Вся Англія принадлежитъ, межъ тѣмъ какъ
Невинно вы страдаете въ плѣну.

Марія.

Да, эти-то несчастныя права—
Единственный источникъ всѣхъ страданій.

Мортимеръ.

Потомъ до слуха моего дошло,
Что васъ изъ замка Тальбота ужъ взяли
И помѣстили къ дядѣ моему.
Казалось мнѣ, что это—Провидѣнье
Давало вамъ спасительное средство,
Сама судьба какъ будто бы хотѣла
Избрать меня орудіемъ свободы.
Друзья мой планъ одобрили съ восторгомъ;
Самъ кардиналъ напутствовалъ меня
Своимъ благословеніемъ и совѣтомъ,
И научилъ тяжелому искусству
Личной прикрывать свои надежды.
Горя желаніемъ—планы превратить
Въ дѣйствительность, поѣхалъ я обратно,
И вотъ ужъ десять дней, какъ вамъ извѣстно,
Я здѣсь. (Останавливается.)

Я васъ увидѣлъ, королева!
 Не вашъ портретъ, но васъ самихъ! Алмазы!
 Какой алмазь хранится въ этомъ замкѣ!
 О, нѣтъ, здѣсь не тюрьма! Здѣсь свѣтлый рай!
 Боговъ жилище! Что предъ нимъ вся пышность
 Двора Елисаветы! Счастливы тотъ,
 Кто можетъ съ вами хоть одну минуту
 Однимъ и тѣмъ же воздухомъ дышать!
 Не даромъ же она такъ далеко
 Васъ спрятала! Лишь появитесь вы, —
 Вся молодежь британская возстанетъ,
 У всѣхъ мечи поднимутся за васъ,
 И Англія взволнуется, какъ море!

Марія.

О, еслибъ всѣ такъ думали британцы,
 Какъ вы!

Мортимеръ.

Да еслибъ каждый могъ узнать
 О всѣхъ страданіяхъ вашихъ безконечныхъ,
 О томъ, съ какою кротостью, терпѣньемъ,
 Несете на плечахъ вы тяжкій крестъ.
 Вашъ царскій духъ подъ гнетомъ испытаній
 Остался твердъ, и вашей красоты
 Позорная тюрьма не измѣнила.
 Вы лишены всего, что красить жизнь,
 И между тѣмъ вокругъ васъ дышетъ все
 Какой-то дивной прелестью и жизнью.
 И всякій разъ, какъ я сюда вступаю,
 Душа моя терзается мученьемъ
 И въ то же время радостно трепещетъ,
 При мысли, что опять увижу васъ!
 Но страшное рѣшеніе близко, съ каждой
 Минутою опасность возрастаетъ.
 Нельзя мнѣ больше медлить, и не смѣю
 Я долѣе скрывать ужасный слухъ...

Марія.

Мой судъ ужъ конченъ? Говорите смѣло —
 Все выслушать готова я отъ васъ.

Мортимеръ.

Все кончено, и сорокъ голосовъ
 Назвали васъ виновной. Городъ Лондонъ,
 Парламенты, какъ верхній такъ и нижній,
 Всѣ требуютъ, чтобъ тотчасъ же не медля
 Исполнить приговоръ. Лашъ королева
 Колеблется какъ будто, но не вѣрьте:
 Въ ней нѣтъ ни капли жалости и чувства;
 Она хитритъ, показываетъ видъ,
 Что будто бы ее хотять заставить.

Марія (не теряя присут-
 ствія духа).

О, это для меня уже не новость!
 Я не страшусь, сэръ Мортимеръ, нисколько;
 Давно я жду подобнаго извѣстья.
 Моихъ судей я знаю: по всему,
 Что я перенесла, понять не трудно
 Къ чему они стремятся, — для меня
 Свобода невозможна; мой удѣлъ
 Есть вѣчная тюрьма, мои надежды
 Умрутъ со мной во мракѣ заточенья.

Мортимеръ.

О нѣтъ, о, нѣтъ, неправда, королева!
 Не можете честолюбіе дойти
 До середины — и остановиться.
 Пока вы живы, — въ сердцѣ королевы
 Живымъ пребудетъ страхъ — лишь ваша смерть
 Ее на тронѣ можетъ успокоить.

Марія.

Ужель она дерзнетъ отдать на плаху
 Мою главу вѣнчанную?

Мортимеръ.

Тутъ нѣтъ
 Сомнѣнья.

Марія.

Какъ? Она дерзнетъ унижить
 Свой королевскій санъ и оскорбить
 Въ моемъ лицѣ всѣхъ королей Европы?
 Местъ Франціи ужель ей не страшна?

Мортимеръ.

Съ французами недавно заключила
 Она союзъ надолго, обѣщая
 Свой тронъ и руку герцогу Анжу.

Марія.

Король испанскій за меня возстанетъ!

Мортимеръ.

Пока она въ ладу съ своимъ народомъ,
 Ей цѣлый свѣтъ не страшенъ.

Марія.

А британцы?

Ужель они останутся спокойны?

Мортимеръ.

Британія, миледи, ужъ не разъ
 Свидѣтелемъ была, какъ прямо съ трона
 Ея владыки шли на эшафотъ.
 Вы знаете, что мать Елисаветы
 Имѣла эту участь. Лэди Грей
 И Катерина Говардъ также были
 Вѣнчанныя особы.

Марія (помолчавъ немною).

Нѣтъ, неправда,

Сэръ Мортимеръ! Васъ ослѣпляетъ страхъ
 Пустой; вашъ умъ къ ужасному настроенъ.
 Нѣтъ, я боюсь не эшафота, сэръ;
 У королевы англійской найдутся
 Другія средства, чтобъ себя избавить
 Отъ безпокойныхъ притязаній. Прежде,
 Чѣмъ для меня палачъ найдется, можно
 Скорѣе подкупить убійцу. Вотъ что
 Меня пугаетъ, сэръ! И каждый разъ,
 Какъ подношу къ моимъ устамъ я чашу,
 Невольно дрожь по тѣлу пробѣгаетъ
 При мысли, что тутъ кроется, быть можетъ,
 Любовь моей возлюбленной сестры.

Мортимеръ.

Не бойтесь; не удастся ей ни явно,
 Ни тайно покуситься на убійство.
 У насъ ужъ все готово; въ заговорѣ
 Двѣнадцать храбрыхъ молодыхъ людей,
 И всѣ они сегодня дали клятву
 Рукой вооруженною взять замокъ

И васъ освободить. Графъ Обенинъ,
Посога французскій, съ нами за одно,
Мы собиремся всѣ въ его палатахъ.

Марія.

Я трепещу,—но не отъ счастья—нѣтъ—
Предчувствіемъ недобрымъ я объята.
Что дѣлаете вы? За что беретесь?
Забыли развѣ вы, какая участь
Постигла Тичборна и Бабингтона?
Забыли, какъ ихъ головы торчали,
Въ угрозу всѣмъ, на Лондонскомъ мосту?
И мало имъ другихъ погибло также,
Монихъ оковъ не облегчивъ нисколько!
Бѣги, бѣги, о, юноша несчастный,
Пока есть время!.. Борлейгу, быть можетъ,
Извѣстно все, вашъ разговоръ открытъ,
Нашелся между васъ измѣнникъ низкій.
Бѣги жъ скорѣй отсюда! Ни одинъ
Защитникъ мой въ живыхъ не оставался.

Мортимеръ.

О, нѣтъ, я не забылъ, какая участь
Постигла Тичборна и Бабингтона;
Не страшны мнѣ ихъ головы, въ угрозу
Торчація на Лондонскомъ мосту,
И помню также я другихъ, погибшихъ...
Они себя покрыли вѣчною славой,
И умереть за васъ—уже блаженство.

Марія.

Напрасно, не удастся вамъ спасти
Меня ни вашей хитростью, ни силой.
Мой врагъ и остороженъ, и могучъ,
Не Паулетъ, вашъ дядя, и не стража,
Вся Англія хранитъ мою тюрьму,
И лишь Елисавета въ состоянн
Меня отсюда вывести...

Мортимеръ.

О, нѣтъ!

Марія.

Еще есть человѣкъ, который можетъ...

Мортимеръ.

О, назовите мнѣ его!

Марія.

Графъ Лестеръ!

Мортимеръ (*съ удивленіемъ
отступаетъ назадъ*).

Графъ Лестеръ!? Жесточайшій вашъ противникъ!
Любимецъ королевы!.. Онъ?

Марія.

Я вижу

Лишь въ немъ, лишь въ немъ одномъ мое спасенье.
Отправьтесь же къ нему.—Откройте смѣло,
А въ доказательство, что васъ послала
Марія... вотъ, возьмите отъ меня...
Тутъ мой портретъ...

(*Возимаетъ изъ-за корсета пакетъ. Мортимеръ отступаетъ и медлитъ брать.*)

Возьмите. Я ношу

Уже давно-давно его съ собою.

Вашъ дядя и его надзоръ суровый

Мнѣ заграждали всякіе пути

Къ нему, и вотъ теперь самъ добрый ангелъ
Послалъ мнѣ васъ...

Мортимеръ.

Ахъ, объясните мнѣ

Загадку эту, королева!

Марія.

Графъ

Все вамъ расскажетъ; въ немъ не сомнѣвайтесь,—
И онъ не усомнится... Кто тамъ, Анна?

Кэннеди (*входя поспѣшно*).

Сэръ Паулетъ, съ нимъ кто-то изъ придворныхъ.

Мортимеръ.

Мужайтесь, королева! Это Борлейгъ!

Старайтесь все услышать люднокровно.

(*Уходитъ въ боковую дверь; Кэннеди за
нимъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 7.

Марія, Лордъ Борлейгъ, *государственный
казначей*, и Паулетъ.

Паулетъ.

Желали вы узнать своей судьбы
Рѣшенье,—можете его услышать
Отъ свѣтлости его, милорда Борлейгъ.
Съ терпѣніемъ приговоръ перенесите.

Марія.

Съ достоинствомъ, невинности приличнымъ.

Борлейгъ.

Я прихожу посланникомъ суда.

Марія.

Лордъ Борлейгъ такъ охотно объявляетъ
Рѣшеніе суда, въ которомъ самъ онъ
Душой и тѣломъ былъ.

Паулетъ.

Вы говорите,

Какъ будто напередъ уже узнали
Вашъ приговоръ.

Марія.

Не мудрено, когда

Его принесъ лордъ Борлейгъ. Къ дѣлу, сэръ...

Борлейгъ.

Вы отдали себя на судъ, милэди,
Комиссіи изъ сорока двухъ членовъ...

Марія.

Позвольте мнѣ, милордъ, я васъ должна
Прервать въ началѣ рѣчи... Вы сказали,
Сама себя я отдала на судъ
Комиссіи изъ сорока двухъ членовъ?
Нѣтъ, никогда. Могла-ль я согласиться,
Я-бъ этимъ оскорбила царскій санъ,
Достоинство шотландскаго народа,
Честь сына, честь всѣхъ царственныхъ особъ.
Законъ британскій ясно говоритъ:
Что каждый подсудимый долженъ быть
Судимъ лишь равными себѣ судьями.
А въ вашемъ комитетѣ кто мнѣ равенъ?
Со мною равны только короли.

Борлейгъ.

Когда ужъ вамъ угодно было слушать

Всѣ пункты обвинительные, вы
Должны услышать также и рѣшенье.

Марія.

Да, этотъ хитрый Готтонъ обманулъ
Меня... Но если мнѣ и захотѣлось
Услышать, въ чемъ меня такъ обвиняли,
Такъ только потому, что я въ моей
Невинности увѣрена была,
Хотѣла оправдаться я вполне,
Хотѣла ясно показать ничтожность
Всѣхъ этихъ обвиненій. Если я
Такъ поступила, то изъ уваженья
Къ почтеннымъ лордамъ, а не къ сану ихъ,
Который отвергаю.

Не англичанка я, я—королева
Иныхъ земель...

Борлейгъ.

Не думаете-ль вы,

Что этотъ титулъ вамъ даруетъ право—
Въ другихъ странахъ раздоры поселять?
Возможно ли спокойствіе въ державѣ,
Когда передъ карающей Фемидой
Не будутъ равноправны царь и нищій?

Марія.

Передъ судомъ я отвѣчать готова,
Однихъ судей я не могу признать.

Борлейгъ.

Судей, милэди? Развѣ ваши судьи

„Сэръ Паулетъ, съ нимъ кто-то изъ придворныхъ“.

Борлейгъ.

Безразлично,

Хотите-ль вы признать его или нѣтъ.

Милэди, это лишь пустая форма;

Она никакъ не можетъ помѣшать

Судебному порядку; вы живете

Подъ небомъ Англіи, вы подъ защитой

Ея законовъ; значитъ, вы должны

Ея властью смиренно покоряться.

Марія.

Нѣтъ, не подъ небомъ англійскимъ живу я,

Томлюсь я въ душной англійской тюрьмѣ.

Въ законахъ вашихъ я найду едва-ли

Себѣ защиту, я почти не знаю

Ихъ новсе, а властью я не подвластна:

Какая сволочь, что ли? Кто изъ нихъ,

Скажите, столь безчестенъ, что захочетъ

За деньги быть орудіемъ тираніи,

Иль совѣстью своею торговать?

Не всѣ-ли они изъ первыхъ въ государствѣ

Почетныхъ лицъ, готовыхъ умереть

За правду, неподкупныхъ и безстрашныхъ!

Не имъ-ли вручены бразды правленія

Народомъ? Стоить только ихъ назвать

По именамъ, чтобы молчать заставить

Всѣ подозрѣны. Первый между ними,

Смиренный пастырь церкви и народа,

Примасъ Кентерберійскій, вмѣстѣ съ нимъ

Благоразумный Тальботъ, стражъ печати,

И Говардъ, флота храбрый предводитель.

Могла ли больше сдѣлать королева?
Она изъ всей монархіи избрала
Достойнѣйшихъ людей и отдала
На ихъ сужденіе царственный свой споръ.
Прійдетъ ли мысль, чтобъ ими всѣми двигалъ
Духъ партій? Можно ли назвать пристрастнымъ
Рѣшеніе сорока мужей избранныхъ?

Марія (послѣ нѣкотора-
го молчанія.)

Невольно удивляюсь грозной силѣ
И краснорѣчью вашихъ словъ; не даромъ
Въ нихъ для меня погибель заключалась.
Куда мнѣ, слабой женщинѣ, съ такимъ
Ораторомъ искуснымъ состязаться!
И если правда все, что вы сказали
Объ этихъ лордахъ, я должна умолкнуть.
Я дѣло безнадежно проиграла:
Они меня должны признать виновной.
Но эти имена, такъ громко вами
Ирревозносимыя, которыхъ тяжесть
Готова раздавить меня, милордъ,
Какъ мнѣ извѣстно, игравали прежде
Въ исторіи совсѣмъ иныя роли.
Я не забуду никогда, какъ это
Высокоименитое дворянство,
Надутые сенаторы и пэры
Предъ Генрихомъ Осмымъ склонялись низко,
Какъ подлые рабы передъ султаномъ.
Я помню, какъ парламентъ, наравнѣ
Съ продажной чернью, издавалъ законы
И снова ихъ уничтожалъ, какъ браки
Сводилъ и разводилъ, по приказанью
Владыки своего; сегодня онъ
Лягнулъ наслѣдства дочь его, клеймилъ
Ее позорнымъ именемъ побочной;
А завтра ужъ вѣнчалъ ее на царство.
Я помню, какъ въ теченіе четырехъ
Правленій, хладнокровно эти перы
Четырежды мѣняли убѣжденія!

Борлейгъ.

Сказали вы, что Англіи законовъ
Не знаете, зато извѣстно вамъ
Въ подробности о всѣхъ ея несчастіяхъ.

Марія.

Вотъ ваши судьи! Вамъ однимъ, милордъ,
Должна вполнѣ отдать я справедливость,
Надѣюсь, вы заплатите мнѣ тѣмъ же.
Какъ говорятъ, васъ любить королева
За то, что государству вы полезны,
Въ трудахъ неутомимы, неподкупны...
Охотно вѣрю. Не изъ личныхъ видовъ,
Вы служите для пользы и для блага
Монархини своей и государства.
И значитъ правосудіе для васъ
Есть первая обязанность, милордъ.
Межъ судьями моими также, знаю,
Не менѣе достойные есть люди;
Но все-таки они мои враги
И протестанты. Могутъ ли они
Быть судьями шотландской королевы,

Защитницы папизма? Съ давнихъ поръ
Пословица гласитъ, что у британца
Всегда шотландецъ будетъ виноватъ.
Намъ дѣды завѣщали, что британецъ
Не можетъ быть свидѣтелемъ въ судѣ
Противъ шотландца, также и обратно.
Причиною столь страннаго закона
Была необходимость; въ этихъ древнихъ
Обычаяхъ всегда есть смыслъ глубокій,
Они, милордъ, достойны уваженія.
Два храбрые народа, поселившись
На этомъ островѣ, самой природой
Раздѣлены не по ровну на части;
Отсюда—вѣчно споры между ними.
Ихъ раздѣляетъ только мелкій Твидъ.
Какъ часто кровь борцовъ, враждой объятахъ,
Въ его волнахъ мѣшалась! Съ давнихъ лѣтъ
Они съ угрозой смотрятъ другъ на друга,
Всѣмъ Англіи врагамъ шотландецъ былъ
Помощникъ вѣрный; всѣ междоусобья
Въ Шотландіи британцевъ привлекали.
Ихъ ненависть дотошъ не погаснетъ,
Пока одинъ парламентъ братски ихъ
Не свяжетъ и пока не будетъ править
Всѣмъ островомъ одинъ и тотъ же скипетръ.

Борлейгъ.

Навѣрное, когда Марія Стюартъ
Взойдетъ на англійскій престолъ?

Марія.

Къ чему

Скрывать? Не разъ, скажу вамъ откровенно,
Въ душѣ моей питала я надежды,
Что эти два великіе народа
Сольются наконецъ подъ сѣнью мира
Въ одинъ народъ, свободный и счастливый.
Могла-ль я думать, что когда-нибудь
Народной мести сдѣлаюсь я жертвой,
Тогда какъ у меня одно желаніе
Лишь было—погасить на вѣки пламя
Раздоровъ вѣчныхъ, зависти давнишней,
И Англіи корону сочетать
Торжественно съ короною шотландской,
Подобно какъ мой славный предокъ Ричмондъ,
Связавъ двѣ розы, положилъ конецъ
Враждѣ кровавой.

Борлейгъ.

Пагубнымъ путемъ

Хотѣли вы достигнуть этой цѣли:
Раздуть огонь междоусобной брани,
Взойти на тронъ...

Марія.

Я этого, клянусь
Всевышнимъ, не желала! Я желала?!
Гдѣ-жъ доказательства?

Борлейгъ.

Я не для спора
Сюда пришелъ. Теперь ужъ ваше дѣло
Внѣ всѣхъ сомнѣній темныхъ. Судъ призналъ,
И сорокъ противъ двухъ рѣшили ясно,
Что вы, нарушивъ прошлогодній актъ,

Должны судиться строго по закону.
Въ законѣ-жъ сказано: «когда мятежъ
«Возникнетъ въ государствѣ, въ чью бы пользу
«Иль имя ни былъ онъ, то королева
«Имѣетъ право подавить его
«Судомъ, подвергнуть казни всѣхъ виновныхъ»
Тамъ ясно говорится, что...

Марія.

Милордъ!

Не удивляюсь я, что есть законъ,
Придуманный лишь на мою погибель;
И горе мнѣ, несчастной вашей жертвѣ,
Когда одинъ и тотъ же человекъ
Нисалъ законъ и судъ приносилъ!
Скажите, лордъ, не на мою-ль погибель
Придуманы всѣ эти акты?

Борлейгъ.

Ихъ

Составили, чтобъ васъ предостеречь.
Вы сами обратили ихъ во вредъ
Себѣ самой. Вы увидали пропасть
И, не подумавъ, бросились въ нее.

Марія.

Зачѣмъ же не призвали къ очной ставкѣ
Его со мной, къ чему списали казнь,
И не дали сойтись лицомъ къ лицу?

Борлейгъ.

Писцы—и Карль, и Нау всѣ дали клятву
И подтвердили то же подъ присягой:
Что эти всѣ записки съ вашихъ словъ
Они писали.

Марія.

Можно ли судить
По показанью слугъ и полагаться
На вѣрность тѣхъ, которые такъ подло
Мнѣ измѣнили?

Борлейгъ.

Вы, однакожъ, сами
Сказали, что шотландецъ Карль правдивъ
И честенъ...

Марія.

Да, но честность у мужчинъ
Въ опасностяхъ лишь только узнается.

Не вы-ль соединились съ Бабингтономъ?
Съ его злодѣйской шайкой вы имѣли
Сношенія; обо всѣхъ вы планахъ знали
И изъ темницы заговоръ вели.

Марія.

Когда-жъ я это дѣлала, скажите?
Гдѣ письменные акты? Дайте ихъ

Борлейгъ.

Еще недавно вамъ ихъ показали
Передъ лицомъ суда!

Марія.

Но это были
Лишь копии,—и всѣ—чужой руки.
Пускай покажутъ мнѣ такіа письма,
Которыя бы диктовала я
Сама, и такъ бы точно диктовала,
Какъ было читано.

Борлейгъ.

Но Бабингтонъ
Предъ смертію сознался, что отсюда,
Вы изъ тюрьмы писали эти письма.

Онъ говорилъ подъ опасеньемъ пытки,
Быть можетъ, то, чего и самъ не зная!
Онъ полагалъ, что ложнымъ показаньемъ
Спасетъ себя и мнѣ не повредитъ.

Борлейгъ.

Все подтвердилъ онъ клятвою свободной.

Марія.

Но только не при мнѣ... не правда-ль, сэръ?
Вотъ два свидѣтеля и оба живы;
Пускай они предстанутъ и въ глаза
Мнѣ смѣло повторять свои отвѣты!
Зачѣмъ же вы лишаете меня
Той милости, въ которой отказать
Не можете послѣднему злодѣю?
Мнѣ Тальботъ говорилъ: еще недавно,
При нынѣшнемъ правленіи, состоялось
Постановленіе, чтобъ истца сводить
Съ отвѣтникомъ на ставку... Что? Не правда?
Быть можетъ, я ошиблась, говорите!
Сэръ Паулетъ! Вы—честный человекъ;
Скажите мнѣ, не такъ ли? Есть у васъ
Такой законъ?

Паулетъ.

Такъ точно, есть, милэди,
У насъ такой законъ! Я васъ не стану
Обманывать.

Марія.

И такъ, милордъ, ужъ если
Со мною поступать хотите строго,
По англійскимъ законамъ, то зачѣмъ
Скрывать такой законъ, который можетъ
Быть для меня полезнымъ? Отвѣчайте!
Зачѣмъ, согласно съ силою закона,
Вы не дали мнѣ ставки съ Бабингтономъ?
Зачѣмъ секретарей не допускаютъ
Ко мнѣ, пока они еще въ живыхъ?

Борлейгъ.

Не горячитесь, лэди, ваши связи
Не только съ Бабингтономъ, а другія...

Марія.

Одно лишь это можно мнѣ поставить
Въ вину закономъ; въ этомъ лишь хочу
Я оправдаться. Въ сторону увертки,
Милордъ!

Борлейгъ.

Еще извѣстно, что имѣли
Сношенія вы съ посланникомъ испанскимъ
Мендозой...

Марія (живо).

Отвѣчайте, лордъ, мнѣ прямо
На мой вопросъ!

Борлейгъ.

Вы въ тайнѣ замыслили
Перемѣнить религію страны,
На Англію поднять всѣхъ государей
Европы.

Марія.

Докажите эту ложь!

Я никогда не думала объ этомъ.
Но еслибъ даже это было правдой,—
Милордъ! Здѣсь, вопреки правамъ народнымъ,
Какъ плѣнницу, меня въ темницѣ держатъ.
Сюда я не съ оружіемъ пришла,
Пришла просить у васъ гостепріимства,
Найти себѣ убѣжище въ объятіяхъ
Родной сестры—и что же? Вдругъ, насильно
Меня схватили, бросили въ тюрьму...
За что же будетъ совѣсть упрекать
Меня, скажите? Развѣ я подвластна
Законамъ Англіи? Не въ правѣ-ль я
Стараться разорвать мои оковы,
Искать защиты у другихъ народовъ
И силою отражать? Я все
Должна употребить, чтобы рѣшить
Нашъ споръ... Одно лишь... Тайное убійство
Мнѣ совѣсть запрещаетъ; нѣтъ, убійствомъ
Себя я опозорить не хочу.
Безчестье для меня всего ужаснѣй,
А покориться вашему рѣшенію,
Быть осужденной—для меня безчестно.
Кто можетъ въ Англіи меня судить?
Одно насиліе—вотъ вашъ законъ!

Борлейгъ.

Насиліа, милэди, никакой
Законъ не допускаетъ, а тѣмъ меньше
Оно быть можетъ пагубно для васъ...

Марія.

Да, правда ваша, я теперь безсильна;
Она сильна. Пускай же торжествуетъ
Насиліе! Пускай она убьетъ
Меня! Пусть буду жертвой честолюбія!
Но рано-ль, поздно ли потому она
Сознается, что такъ несправедливо
Со мною поступила. Ей не скрыть
Кроваваго злодѣйства и закономъ
Не оправдать жестокаго удара,
Который отъ врага ее избавилъ.
Ея притворство не обманетъ свѣта.
Убить меня она, согласна, можетъ,
Но не судить! Напрасно! Свѣтъ открыть,
Подъ скромной добродѣтели личиной,
Преступный умыселъ, и всѣ тогда
Узнаютъ, кто, дѣйствительно, она! (Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ 8.

Борлейгъ и Паулетъ.

Борлейгъ.

Сэръ Паулетъ, она насъ презираетъ,
И будетъ презирать, пока не ступитъ
На эшафотъ... Ея душа горда
И непреклонна. Даже приговоръ
Ее не испугалъ; хоть бы слезника
Въ глазахъ; хоть бы въ лицѣ перемѣнилась!...
Она не стоитъ капли состраданья...
Извѣстно ей, что наша королева
Такъ нерѣшительна, и наша робость
Ей духу придаетъ...

Паулетъ.

Лордъ канцлеръ! Это

Презрѣнное гордое исчезнетъ лишь
Тогда, какъ скоро повода къ тому
Не будетъ. Въ этомъ царственнымъ процесѣ,
Осмѣлюсь доложить, вы поступили
Не очень-то законно. Отчего бы
Въ ея присутствіи не допросить
Злодѣевъ Тичборна и Бабингтона,
А также и секретарей обоихъ!

Борлейгъ (поспѣшно).

Нѣтъ, нѣтъ, сэръ Паулетъ! Весьма опасно
Объ этомъ и подумать. Велико
Ея вліяніе на умы. Извѣстно,
Что женскихъ слезъ могущественна сила.
И этотъ Кэрль,—скажи она лишь слово,
Что жизнь ея въ опасности,—сейчасъ
Отступится отъ всѣхъ своихъ признаній.

Паулетъ.

А лучше ли, какъ Англіи враги
По свѣту разнесутъ опасный слухъ

И назовут торжественность процесса
Неслыханным злодѣйствомъ?

Борлейгъ.

Да, конечно,
Для нашей королевы было-бъ лучше,
Когда бы смерть врага ея постигла
Не въ Англіи...

Паулетъ.

Скажу на это *Amen!*

Борлейгъ.

Или болѣзнь въ темницѣ поразила.

Паулетъ.

Отъ многихъ бы избавились хлопотъ...

Борлейгъ.

Но и тогда про насъ,—умри она
Естественною смертию,—все равно
Сказали бы, что мы ея убійцы.

Паулетъ.

Пожалуй такъ. Вѣдь людямъ говорить
Не запретишь.

Борлейгъ.

Но кто бы доказалъ?
Не столько-бъ это возбудило шума...

Паулетъ.

Пускай шумятъ! Кто хулить громко, вслухъ,
Тотъ не опасенъ, плохо лишь тогда
Какъ хулятъ справедливо.

Борлейгъ.

Избѣжать

Хулы святая истина не можетъ.
Общественное мнѣніе—взоръ пустой,
Завистливая злоба вѣчно будетъ
Преслѣдовать того, кто побѣдилъ.
И правосудья мечъ, приличный мужу,
У женщины въ рукахъ намъ ненавистенъ,
И не повѣрить свѣтъ, что правосудье
Для женщины доступно, если ей
Судить пришлось женщину другую.
Напрасно мы, какъ судьи, будемъ честно,
По совѣсти судить—намъ не повѣрять.
Помиловать она имѣетъ право,
Она должна воспользоваться имъ.
А если дать закону строгій ходъ,
То горе ей!

Паулетъ.

И значить...?

Борлейгъ.

Жить должна,

По вашему? О, вѣтъ! Она не можетъ
Въ живыхъ остаться! Это невозможно!
Вотъ это-то и мучить королеву;
Вотъ тайная бессонницы причина,
Въ ея очахъ всѣ признаки борьбы
Душевной; но уста ея не смѣютъ
Дать выходъ всѣмъ желаньямъ сокровеннымъ.
Безмолвный взоръ какъ будто говорить:

Ужель никто изъ вѣрныхъ слугъ моихъ
Меня на вѣкъ избавить не рѣшится
Отъ тяжкаго сомнѣнья, что мнѣ выбрать:
Терзаться-ль въ вѣчномъ страхѣ на престоѣ,
Иль осудить на казнь безчеловѣчно
Свою сестру родную... королеву!?

Паулетъ.

Что быть должно, того не измѣнить.

Борлейгъ.

Такъ точно полагаетъ королева.
Ея слугамъ лишь стоитъ догадаться.
Внимательнѣе быть.

Паулетъ.

Лишь догадаться?

Борлейгъ.

Нѣкое приказаніе исполнить...

Паулетъ.

Нѣкое приказанье...?

Борлейгъ.

...Когда-бы

Тюремному надзору поручили
Чудовище, змѣю, то можно-ль думать,
Что стражи обходиться съ ней должны
Подобно какъ съ сокровищемъ священнымъ.

Паулетъ.

Всего дороже для меня на свѣтѣ
Честь Англіи и слава королевы!

Борлейгъ.

Когда надзоръ надъ плѣнницей королевой
Былъ властью взятъ отъ лорда Шрюсберга
И переданъ былъ сѣру Паулету,
То думали, что онъ...

Паулетъ.

Надѣюсь, сѣръ,
Всѣ думали, что вѣренъ онъ рукамъ
Надежнымъ, и, клянусь вамъ Богомъ, я
Не сталъ бы роль тюремщика играть,
Когда бы въ Англіи нашелся кто
Меня достойнѣй. Мнѣ всего дороже
Мой долгъ...

Борлейгъ.

Пройдетъ молва, что ей все хуже
И хуже, что болѣзнь ея опаснѣй,
И, наконецъ, что будто бы скончалась...
И скоро всѣ забудутъ... Ваше имя
Какъ прежде будетъ чисто...

Паулетъ.

Да, а совѣсть?

Борлейгъ.

Когда вы не хотите сами, то
Другимъ, по крайней мѣрѣ, не мѣшайте...

Паулетъ (*прерываетъ его*).

Пока хранить ее мои пенаты,
Клянусь, что убійца не посмѣетъ
Переступить черезъ ея порогъ!

И жизнь ея мнѣ столько же священна,
 Какъ жизнь самой британской королевы!
 Вы—судьи. Чтожь? Судите, осуждайте!..
 Настанетъ время,—пусть тогда съ пилами
 Приходятъ плотники и строятъ свой

Помость ужасный... Только для шерифа
 И палача мои открыты двери!
 Теперь же ввѣренъ мнѣ надъ ней надзоръ,
 И я сдержать обязанъ договоръ.
 (*Уходятъ.*)

„Теперь же ввѣренъ мнѣ надъ ней надзоръ, и я сдержать обязанъ договоръ.“

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Вестминстеръ.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Графъ Кентъ и сэръ Вильямъ Дэвисонъ
 (*встрѣчаются.*)

Дэвисонъ.

Какъ, это вы, милордъ? Ужель съ турнира?
 Все, значить, кончено?

Кэнтъ.

А развѣ вы
 Тамъ не были?

Дэвисонъ.

Мнѣ некогда. Все служба.

Кэнтъ.

Прекраснѣйшаго зрѣлища вы, сэръ,
 Себя лишили! Сколько было вкуса!
 Какое мастерское выполненье!
 Вотъ видите: на сценѣ представляли,
 Какъ замокъ красоты былъ осажденъ
 Любовью. Лордъ гофмаршалъ, сенешаль
 И десять кавалеровъ защищали
 Твердыню королевы отъ враговъ,—
 Дворянъ французскихъ. Прежде всѣхъ явился
 Герольдъ, прося о сдачѣ мадригаломъ;
 Ему лордъ канцлеръ съ ваду отвѣчалъ;
 Потомъ пошла стрѣльба и вмѣсто ядеръ
 Изъ маленькихъ орудій полетѣли
 Букеты изъ цвѣтовъ. Но все напрасно!
 Ударяли отбой и со стыдомъ
 Любовь должна была ретироваться.

Дэвисонъ.

Для Франціи плохое предсказанье!

Кэнтъ.

Ну, ну, да это шутка! А на дѣлѣ
 Мнѣ кажется, что крѣпость скоро сдастся.

Дэвисонъ.

Вамъ кажется, милордъ? А мнѣ напротивъ.

Кэнтъ.

Труднѣйшія статьи обсуждены
 И приняты вполне дворомъ французскимъ.
 Принцъ согласился тайно отправлять
 Свое богослуженье, а публично
 Хранить обрядъ господствующей вѣры
 Отъ всякихъ посягательствъ и нападокъ.
 Вы видѣли, съ какимъ живымъ восторгомъ
 Узналъ народъ объ этомъ; онъ боялся,
 Что королева будетъ безъ потомковъ.
 И снова Англія признаетъ папу,
 Когда Стюартъ взойдетъ на тронъ...

Дэвисонъ.

Напрасно

Боятся онъ... Елисавету ждетъ
 Вѣнчальное кольцо, а Стюартъ—гробъ.

Кэнтъ.

Идутъ!.. Встрѣчайте королеву...

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Тѣ же, Елисавета *входитъ, опираясь на*
руку Лейчестера. Графъ Обепинъ, Бельевръ,

графъ Шрюсбери, лордъ Борлейгъ. Толпа
французскихъ и англійскихъ дворянъ.

Елисавета (къ Обени-
ню).

Жалѣю, графъ, что дорогіе гости,
Которыхъ вы въ учтивости своей
На праздникъ изъ-за моря пригласили,
Здѣсь не нашли той пышности придворной,
Какая въ Сень-Жерменѣ. Признаюсь,

Взоръ иностранца сразу поражаетъ;
Но въ ней одной природа показала
Всю женственность, всю прелесть красоты,
Бельевръ.

Отъ вашего величества не скроемъ
Желанія скорѣе возвратиться
На родину, чтобъ тотчасъ осчастливить
Его высочество давно желанной
И радостною вѣстью. Онъ оставилъ
Парижъ и вѣрно съ жаркимъ нетерпѣньемъ

Такихъ чудесъ я не могу придумать,
Какъ королева — мать... Мой вѣрный,
добрый

Народъ ужъ есть лишь благословлять
Меня и около моихъ носилокъ
Съ любовію тѣсниться... Вотъ чѣмъ я
Похвастаться могу предъ чужестранцемъ!
Но я, быть можетъ, покажусь ничтожной
Въ сравненіи съ блестящей красотою
Придворныхъ дамъ Екатерины...

Обенинь.

Правда,
Здѣсь, въ Англии, одна лишь только дама

Въ Амьенѣ ждетъ пословъ; по всей дорогѣ
До самаго Калэ стоятъ курьеры...
И только лишь услышимъ мы согласье
Изъ вашихъ царскихъ устъ, оно тотчасъ
Перенесется съ быстротою птицы,
И слухъ его наполнить упоеньемъ...

Елисавета.

Графъ Бельевръ! Довольно, перестаньте!
Я повторяю вамъ, теперь не время
О брачномъ думать торжествѣ. Надъ нами
Сбирается гроза, и мнѣ теперь
Приличнѣй трауръ, нежели вѣнчальный
Нарядъ невесты. Грозные удары

Судьбы готовы поразить меня
И царственный мой домъ.

Бельевръ.

Хоть обѣщанье

Твое намъ дай. Когда-нибудь настанутъ
Дни болѣе счастливыя, тогда
Его исполнить можешь, королева.

Елисавета.

На тронѣ мы рабы и предаваться
Влеченьямъ сердца своего не смѣемъ.
Желаніемъ моимъ всегдашнимъ было
Всѣмъ вѣкъ прожить безбрачной; я мечтала,
Что на моей могилѣ прочитаютъ:
«Покоится здѣсь царственная дѣва».
Но подданныхъ моихъ другая воля;
Уже теперь заботятся они
О томъ, когда меня въ живыхъ не будетъ...
Народъ мой настоящимъ недоволенъ:
И я должна для будущаго блага
Пожертвовать дѣвической свободой
И надъ собой признать другую власть.
Я для него лишь женщина, не больше,
Тогда какъ я всегда мечтала править,
Какъ мужъ и какъ король Я знаю, грѣхъ
Насиловать природу; я согласна,
Что правы тѣ, которые хотѣли
Закрывать монастыри и возвращать
Свободу бѣднымъ жертвамъ благочестья.
Но я царица; жизнь моя проходить
Не въ праздномъ созерцаньи, не безъ пользы.
Подъявши на себя правленія бремя,
Его всегда носи неутомимо,
Изъ общаго закона я могла-бы
Явиться исключеньемъ...

Обеими.

Ты на тронѣ

Прославила давно ужъ добродѣтель;
Осталось лишь одно,—явись примѣромъ
Тѣхъ доблестей, что свойственны такъ полу,
Ботораго ты служишь украшеньемъ.
Конечно, на землѣ нѣтъ человѣка,
Достойнаго того, чтобъ ты на жертву
Ему свою свободу принесла;
Но если кто по сану, по рожденью,
По красотѣ и качествамъ героя
Такой достоинъ чести...

Елисавета.

Увѣряю

Васъ, господинъ посланникъ, что союзъ
Съ французскимъ принцемъ я за честь считаю
И признаюсь теперь вамъ откровенно,
Ужъ если такъ судьбѣ моей угодно,
Что я согласна буду уступить
Желанію народа,—а едва ли
Онъ не сильнѣй меня,—то я не знаю
Во всей Европѣ никого другого,
Кому-бъ скорѣй рѣшилась я вручить
Сокровище мое—мою свободу.
Довольны-ль вы теперь моимъ признаньемъ?

Бельевръ.

Прекрасная надежда, королева,
Но все-таки не больше, какъ надежда...
А принцъ желалъ бы, чтобъ...

Елисавета.

Чего-жъ онъ хочетъ?

(Она снимаетъ съ пальца кольцо и смотритъ на него въ раздумьи.)

Ужели нѣтъ различья никакого
Межъ королевой и простой жѣнцанкой?
Одинъ и тотъ же знакъ,—одна и та же
Обязанность,—одно и то же рабство...
Кольцо для всѣхъ есть символъ брачной жизни,
Изъ тѣхъ же колецъ дѣлаются цѣпи...
Прошу васъ передать подарокъ этотъ
Его высочеству. Пока еще
Я этимъ не свяжу себя, какъ цѣпью,
Но нѣкогда онъ можетъ цѣпью быть.

Бельевръ (на колѣняхъ принимаетъ кольцо).

Позволь принять, великая царица,
Мнѣ на колѣняхъ царственный подарокъ,
И царственной твоей руки устами
Коснуться въ знакъ покорности смиренной.

Елисавета (обращаясь къ графу Лейчестеру, на которую она пристально смотрѣла въ продолженіе послѣднихъ словъ).

Милордъ, позвольте!

(Снимаетъ съ него юлубую ленту и надѣваетъ ее на Бельевра.)

Это украшенье

Прошу его высочество надѣть,
Какъ здѣсь его на васъ я надѣваю
И дѣлаю своимъ васъ кавалеромъ.
Nonny soit, qui mal y pense! Отнынѣ
Навѣки да исчезнутъ всѣ раздоры
Межъ двухъ народовъ, пусть живыя узы
Соединятъ французовъ и британцевъ.

Обеими.

О, королева! Этотъ день—день счастья
Для насъ. Пусть принесетъ онъ радость всѣмъ
Страдающимъ. Я вижу, на лицѣ
Твоемъ сіяетъ милость. Пусть хоть отблескъ
Сіянья этого падетъ въ темницу
Несчастной королевы. Для французовъ
Она близка, равно какъ для британцевъ...

Елисавета.

Ни слова больше, графъ! Мы не мѣшаемъ
Двухъ дѣлъ, другъ съ другомъ вовсе несомѣст-
ныхъ.

И если Франція серьезно хочетъ
Со мной союза, то она должна
Дѣлать со мной и всѣ мои заботы.
И дружбой не дарить моихъ враговъ...

Обеими.

Она въ твоихъ бы собственныхъ глазахъ
Унизила себя, когда-бъ забыла
При этомъ о несчастной королевѣ,
Единоувѣрной съ нею и вдовѣ

Покойнаго монарха. Честь ея
И челоуѣчность намъ повелѣвають...

Елисавета.

Съумѣю я ходатайство ея
Достоинно оцѣнить. Пусть исполняютъ
Французскій дворъ обязанности дружбы,
Я жъ буду поступать, какъ королева.
(Она кланяется французскимъ дворянамъ,
которые вмѣстѣ съ прочими лордами по-
читательно удаляются.)

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Елисавета, Лейчестеръ, Борлейгъ и Тальботъ.
(Королева садится.)

Борлейгъ.

Великая монархиня! Сегодня
Ты увѣчала жаркія желанья
Народа твоего. Съ живымъ восторгомъ
Благословляемъ этотъ день! Отнынѣ
Мы больше ужъ не будемъ трепетать
За нашу будущность. Но есть еще
Для цѣлой Англіи одна забота,
Всѣ требуютъ одной лишь только жертвы.
Исполни это общее желанье,—
И настоящій день тогда навѣки
Упрочить благо англійской страны.

Елисавета.

Чего же хочеть мой народъ? Скажите,
Милорды!

Борлейгъ

Онъ хочеть головы Маріи

Стюартъ!.. И если твоему народу
Желашь обезпечить навсегда
Безцѣнный даръ свободы и свой тронъ
Сіяньемъ правды озарить, то больше
Она существовать не можетъ, ей
Осталось умереть,—иначе вѣчно
За жизнь твою мы станемъ опасаться.
Тебѣ извѣстно, что не всѣ британцы
Такъ думаютъ, что въ Англіи есть много
Приверженцевъ католицизма; всѣ
Они въ душѣ питаютъ злыя мысли
И всѣ они стремятся къ этой Стюартъ
Они въ союзѣ съ Гизами, твоими
Врагами жесточайшими, и эта
Неистовая шайка поклонилась
Вести съ тобой ужасную войну,—
Войну со всѣми хитростями ада.
Пригонъ ихъ—Реймсъ, столица кардинала;
Тамъ учатся цареубійству; тамъ
Куются громы на твою гибель.
Оттуда-то усердно посылаютъ
Они сюда своихъ миссіонеровъ,—
Отъявленныхъ фанатиковъ, злодѣевъ,
Подъ масками различными... Ужъ третій
Оттуда къ намъ является убійца.
И въ омутъ такомъ неистощимо
Родится вѣчно новые враги.

А въ Англіи, въ Фотерингѣйскомъ замкѣ,
Виновица живетъ всѣхъ этихъ козней,
Которая старается любовью
Зажечь всѣ легковѣрные сердца,
Лаская ихъ коварною надеждой.
Вся молодежь готова за нее
На вѣрную гибель; ихъ девизъ —
Ея свобода; цѣль ихъ—возвести
Ее на твой престолъ. Ты знаешь, Гизы
Не признаютъ твоихъ священныхъ правъ;
По мнѣнью ихъ, ты англійскимъ престоломъ
Владѣешь беззаконно и преступно.
Они-то соблазнили подписаться
Безумную британской королевой.
Съ проклятымъ этимъ родомъ не возможно
Быть въ мирѣ! Ты должна нанести ударъ,
Или сама погибнуть отъ удара.
Ея гибель—жизнь, а жизнь ея
Твоя гибель!

Елисавета.

Вамъ пришлось исполнить

Печальную обязанность, милорды.
Я знаю вашу ревность; мнѣ извѣстно
Что вашими устами говорить
Сама премудрость, но... я ненавижу
Въ душѣ, я презираю эту мудрость,
Которая одной лишь жаждетъ крови.
Придумайте, прошу, другое средство,
Не столь жестокое... Теперь намъ скажетъ
Совѣтъ свой благородный лордъ Шрюсбери.

Тальботъ.

Ты воздала достойную хвалу
Усердью вѣрнаго тебѣ Борлейга.
Но и въ моей груди трепещетъ сердце,
Такое жъ вѣрное, хоть не съумѣю
Я выразаться такъ краснорѣчиво...
Живи, о королева, долго, долго!
Будь радостью народа своего,
Для Англіи упрочь блаженство мира!
Давно ужъ этотъ островъ не видалъ
Такихъ прекрасныхъ дней, съ тѣхъ поръ, какъ
сталъ онъ

Монархами своими управляться.
Но лишь бы только не цѣною крови
Досталось это счастье! Если жъ такъ,
То лучше пусть его не видитъ Тальботъ,
Пусть прежде я умру!

Елисавета.

Избави Боже!

Чтобъ мы рѣшились славу занятнать!

Тальботъ.

Такъ значитъ, надобно тебѣ придумать
Другое средство для спасенія трона.
Судить Марію Стюартъ ты не въ правѣ,
Какъ не подвластную тебѣ.

Елисавета.

И значитъ,

Неправъ мой государственный совѣтъ,
Неправъ парламентъ мой и всѣ мѣста
Судебныя неправы, потому что

Они единогласно всё признали,
Что я имѣю это право...?

Т а л ь б о т ь.

Дѣло

Не въ большинствѣ судейскихъ голосовъ.
Вѣдь Англія еще не цѣлый міръ,
И твой парламентъ—только капля въ морѣ
Передъ судомъ всемірныхъ поколѣній.
Мы—не потомство, такъ же какъ не будемъ
Мы предками своими никогда.

Исчезнетъ неизбежность роковая,
Неправое тотчасъ же будетъ правымъ.
Ее судить лишь можешь ты, сама!
На шаткую опору не надѣйся,
Внимай влеченьямъ сердца своего.
Богъ женщинѣ не строгость даровалъ,—
А женственность и мягкую сердечность;
Когда-жъ ей было ввѣрено правленье,
Мужи закона ясно указали,
Что кротость—въ государѣ добродѣтель.

„Судить Марію Стюартъ ты не въ правѣ, какъ не подвластную тебѣ“.

Сужденія людей непостоянны.
Не говори, что ты должна была
Съ суровой неизбежностью мириться
И съ волею народа своего.
Когда захочешь, каждую минуту
Ты можешь испытать, что ты свободна
Располагать собой. Лишь испытай!
Скажи, что крови проливать не хочешь;
Что жизнь сестры желаешь ты спасти;
Лишь докажи совѣтчикамъ своимъ
Всю справедливость царственного гнѣва.

Е л и с а в е т а.

Не знала я, что графъ Шрюсбери будетъ
Такъ жарко защищать моихъ враговъ.
Но я предпочитаю тѣ совѣты,
Которые въ мою лишь пользу служатъ.

Т а л ь б о т ь.

Кто будетъ ей защитникомъ, и кто
Отважится сказать о ней хоть слово,
Чтобъ гнѣву твоему себя подвергнуть?
Позволь же, королева, старику,
Стоящему одной ногой въ могилѣ,

Лишенному желаній и страстей,
 Позволь ему оставленную всѣмъ
 Взять подъ защиту. Пусть не говорятъ,
 Что въ государственномъ твоёмъ совѣтѣ
 Пристрастіе одно имѣло голосъ,
 А голосъ милосердія молчалъ.
 Во вредъ ей все соединилось вмѣстѣ.
 Лицомъ къ лицу ты съ нею не встрѣчалась,
 Она для сердца твоего чужая.
 О заблужденіяхъ ея ни слова,
 Она убила, говорятъ, супруга
 И вышла за мужъ за убійцу. Правда,
 Что это тяжкій грѣхъ; но это было
 Въ несчастную и мрачную эпоху
 Гражданскихъ смутъ, когда она себя
 Повсюду увидала окруженной
 Толпою необузданныхъ вассаловъ,
 И, слабое созданье, отдалась
 Тому, кто между ними былъ сильнѣе.
 Кто знаетъ, отчего на свѣтѣ все
 Склоняется предъ силой человѣка?
 А женщина есть слабое созданье.

Елисавета.

О, нѣтъ, есть души сильныя межъ нами
 Милордъ, я не хочу, чтобъ предо мною
 О женщинахъ судили такъ пристрастно.

Тальботъ.

Ты выросла въ суровой школѣ. Жизнь
 Не весело взглянула на тебя.
 Передъ собой ты видѣла не тронъ,
 А гробъ. Ты помнишь замокъ Вудстокъ,
 Иль мрачный Тоуэръ, гдѣ твой отецъ
 Училъ тебя переносить всѣ скорби.
 Тамъ не было лѣстцовъ; тамъ съ раннихъ лѣтъ,
 Вдали отъ всѣхъ забавъ и шума свѣта,
 Ты научилась быть благоразумной
 И цѣну знать всѣмъ благамъ нашей жизни.
 — Не такова была судьба Маріи.
 Ее отправили, еще въ пеленкахъ,
 Во Францію, гдѣ при дворѣ роскошномъ
 Господствовалъ развратъ. Тамъ, въ шумномъ
 вихрѣ
 Баловъ и вѣчныхъ праздниковъ народныхъ,
 Ни разу до нея не доходилъ
 Суровый голосъ правды. Блескъ пороковъ
 Ей ослѣпилъ глаза; потокъ разврата
 Ее увлекъ; а красотой лица
 Она затмила всѣхъ придворныхъ дамъ...

Елисавета.

Что съ вами, лордъ Шрюсбери, образумьтесь!
 Мы собрались сюда для совѣщанья.
 Она должна быть чудно хороша,
 Ужъ если голову вскружить умѣла
 Такому старику. Лордъ Лейчестеръ!
 Одни лишь вы молчаніе храните.
 Не то ли, что другихъ одушевляеть,
 Сквозь языкъ вашъ языкъ?

Лейчестеръ.

Нѣтъ, я имѣю
 Отъ удивленья, королева, какъ

Такіе ужасы ты можешь слушать,
 Какъ эти сказки, — годныя пугать
 Лишь легковѣрный лондонскій народъ, —
 Въ верховный твой совѣтъ находить доступъ
 И могутъ занимать твоихъ министровъ.
 Мнѣ удивительно, я признаюсь,
 Какъ можешь ты бояться безземельной
 Шотландской королевы, не умѣвшей
 Остаться на своемъ ничтожномъ тронѣ;
 Бояться той, которая служила
 Насмѣшкою для собственныхъ вассаловъ,
 Была въ изгнаньи и теперь въ тюрьмѣ!
 Прости, что жъ въ ней страшнаго такого?
 Не то ли, что на Англію она
 Имѣетъ притязанья? Иль, что Гизы
 Не признаютъ тебя, какъ королеву?
 Но можетъ ли противорѣче Гизовъ
 Ослабить право, данное тебѣ
 Парламента рѣшеньемъ? Не ее ли
 Отвергъ покойный Генрихъ въ завѣщаньи?
 Возможно ли, чтобъ Англіи забыла
 Твои благодѣянія и коварно
 Себя во власть папистовъ отдала!
 Чтобъ Даріена убійцу предпочла
 Тебѣ, своей монархинѣ любимой?
 Чего имъ надо, этимъ сумасбродамъ?
 Зачѣмъ стращать тебя еще при жизни
 Наслѣдницей и замужъ выдавать
 Поспѣшно, чтобъ отечество и церковь,
 Какъ говорятъ, отъ гибели спасти?
 Не въ полномъ ли ты цвѣтѣ юныхъ лѣтъ?
 Она-жъ, не увядаешь ли замѣтно?
 Клянусь, что ты не разъ еще прійдешь
 Къ ней на могилу, вовсе не стараясь
 Ускорить смерть ея...

Борлейгъ.

Лордъ Лейчестеръ

Такъ думалъ не всегда.

Лейчестеръ.

Да, это правда.

За смерть я подалъ голосъ на судъ,
 Но здѣсь, теперь, въ совѣтѣ королевы
 Другое дѣло. Здѣсь мы разсуждаемъ
 Не о законности, а лишь о томъ,
 Что лучше. Можно ли ее бояться,
 Когда во Франціи она лишилась
 Единственной защитницы своей,
 Когда ты принцу руку обѣщала,
 Для Англіи же разцвѣла надежда,
 Что царскій родъ съ тобою не умретъ?
 Зачѣмъ же убивать ее? — Она
 И безъ того убита. Для нея
 Презрѣнье — та же смерть. Избави Боже
 Къ ней состраданье возбудить въ народѣ.
 Вотъ мой совѣтъ: сентенцію суда,
 Ее приговорившаго на казнь,
 Оставить въ полной силѣ. Но пускай
 Она живетъ... Пусть пощадятъ ее
 Сѣкира палача... И поразить
 Тогда, какъ снова кто-нибудь возстанетъ.

Елисавета (*встает*).

Милорды! Ваши мысли мнѣ извѣстны,
Васъ всѣхъ благодарю я за усердье,
И съ помощью Того, Кто просвѣщаетъ
Царей, я рассмотрю совѣты ваши
И выберу, который будетъ лучше.

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Тѣ же, Паулетъ и Мортимеръ.

Елисавета.

А, это Паулетъ. Почтенный сэръ!
Что новаго?

Паулетъ.

Великая царица!

Племянникъ мой, недавно возвратившись
Изъ путешествія, у ногъ твоихъ
Желаешь въ вѣрности тебѣ показаться.
Прими его ты кротко и согрѣй
Лучами царской милости твоей!

Мортимеръ (*становясь
передъ ней на одно
колѣно*).

Да здравствуетъ монархия моя!
И пусть чело твое сіяетъ славой!

Елисавета.

Я рада въ Англіи васъ видѣть. Встаньте,
Сэръ Мортимеръ! Вы странствовали много,
Вы посѣтили Францію и Римъ,
И долго жили въ Реймсѣ. Что, скажите,
Не замышляютъ ли чего опять
Мои враги?

Мортимеръ.

Да поразить ихъ Богъ!

И обратитъ на нихъ самихъ тѣ стрѣлы,
Которыя они послать готовы
На вредъ и гибель нашей королевѣ!

Елисавета.

Знакомъ ли хитрый вамъ епископъ Россійскій
И Морганъ?

Мортимеръ.

Да, я былъ знакомъ со всѣми
Шотландцами, которые въ изгнаньи
Ведутъ противъ Британіи подкопы.
Я верался въ ихъ довѣренность съ той цѣлью,
Чтобы узнать объ умыслахъ ихъ шайки.

Паулетъ.

Отъ нихъ привезъ онъ тайныя посланья
Къ шотландской королевѣ и сейчасъ же
Мнѣ передалъ.

Елисавета.

Скажите, въ чемъ ихъ планы?

Мортимеръ.

Какъ громомъ поразило ихъ извѣстье,
Что Франція теперь ихъ оставляетъ
И съ Англіей дружится; ихъ надежда
Послѣдняя осталась на испанцевъ...

Елисавета.

Мнѣ тоже писать Вальсингемъ...

Мортимеръ.

Во время

Отъѣзда моего изъ Реймса, тамъ
Получена была изъ Рима булла,
Которую недавно папа Сикстъ
Противъ тебя направилъ. Вѣроятно,
На первомъ кораблѣ и мы получимъ.

Лейчестеръ.

Для Англіи не страшны эти громы.

Борлейгъ.

Въ рукахъ фанатика они опасны.

Елисавета (*проницатель-
но смотритъ на Мортимера*).

Васъ обвиняли въ томъ, что въ Реймсѣ вы
Ихъ школы посѣщали, отрекались
Отъ вѣры..?

Мортимеръ.

Я не запираюсь въ этомъ.

Я притворился ихъ ученикомъ.

Такъ сильно было у меня желанье

Служить тебѣ!

Елисавета (*Паулету, ко-
торый подаетъ ей
бумагу*).

Что тамъ у васъ такое?

Паулетъ.

Письмо къ тебѣ шотландской королевы.

Борлейгъ (*поспѣшно за
него хватаясь*).

Подайте мнѣ!

Паулетъ (*отдаетъ пись-
мо королевѣ*).

Лордъ канцлеръ извините.

Она велѣла передать письмо

Мнѣ въ собственныя руки королевы.

Она всегда мнѣ говоритъ, что я

Ей врагъ. Я врагъ однихъ ея пороковъ;

А въ томъ, что не противно долгу службы,

Я услужить всегда готовъ охотно.

(*Королева беретъ письмо. Въ то время,
какъ она его читаетъ, Мортимеръ и Лей-
честеръ о чемъ-то тихо говорятъ между
собою.*)

Борлейгъ (*Паулету*).

Что можетъ содержать письмо такого?

Пустыя жалобы... Зачѣмъ же ими

Тревожить королеву?

Паулетъ.

Отъ меня

Она не скрыла содержания,—просить

О позволеніи видѣть королеву.

Борлейгъ (*быстро*).

Нѣтъ, этого не будетъ! Никогда!

Тальботъ.

Зачѣмъ же нѣтъ! Я ничего не вижу

Тутъ противузаконнаго такого.

Борлейгъ.

Возможно ли, чтобы она, убійца,

Которая хотѣла покуситься

На жизнь ея величества, могла
Надѣяться увидѣть королеву?
И кто изъ вѣрноподанныхъ ея
Осмѣлится ей дать такой постыдный
Советъ?

Тальботъ.

Когда-жъ монархиня самой
Ее угодно будетъ осчастливить,
Ужель вы захотите помѣшать
Влеченію милосердному ея?

Борлейгъ.

Она осуждена, и голова
Ея—добыча палача. Увидѣть
Ту голову, которая на смерть
Обречена, ужъ будетъ оскорбленьемъ
Величества. И приговоръ не можетъ
Исполненнымъ быть больше, если только
Ее увидитъ королева. Близость
Монарха для преступника есть милость

Елисавета (*прочитавъ
письмо, отираетъ
слезы*).

Что послѣ этого земное счастье?
Что сталося съ этой бѣдной королевой,
Начавшей жить съ надеждами такими,
Сидѣвшей на одномъ изъ самыхъ древнихъ
Престоловъ христіанства и въ умѣ
Уже мечтавшей видѣть три короны
На головѣ своей? Увы! Теперь
Не то заговорила, чѣмъ тогда,
Какъ дерзко думала себѣ присвоить
Гербъ Англіи и гордо величать
Себя позволивъ лѣстцамъ придворнымъ
Царицей двухъ британскихъ острововъ!
Прошу у васъ прощенія, милорды;
Но мнѣ такъ грустно... Сердце вдругъ заныло,
И кровью облилось оно при мысли,
Какъ на землѣ не прочно все земное
И что ужасный, неизбѣжный рокъ
И надо мной, быть можетъ, разразится!

Тальботъ.

Самъ Богъ сейчасъ твое подвинулъ сердце,
О, королева! Повинуйся волѣ
Небесъ. Она, не правдѣ, искупила
Свой грѣхъ. Въ ея паденьи дай ей руку!
И вдругъ, какъ свѣтлый ангелъ примиренья,
Сойди въ могильный мракъ ея темницы.

Борлейгъ.

Не слушай, королева! Будь тверда,
Не предавайся чувству состраданья,
Похвальному, конечно; не лишай
Себя свободы дѣйствовать, какъ должно.
Спасти ее, помыловать *не можешь*,
Лишь объ одномъ теперь осталось думать,
Какъ избѣжать ужаснаго укора,
Что ты при видѣ жертвы наслаждалась
Извѣстнымъ триумфомъ.

Лейчестеръ.

Не забудемъ,
Милорды, что всему свои границы.

Намъ всѣмъ извѣстна мудрость королевы,
Чтобы рѣшить какъ лучше, ей не нужно
Советовъ нашихъ. Личное свиданье
Двухъ королевъ, по моему, не можетъ
Судебному порядку помѣшать.
Надъ Стюартъ приговоръ произнесенъ
По англійскимъ законамъ, а никакъ
Не по желанью нашей королевы.
Достойно для нея, великодушной,
Послѣдовать влеченіямъ своимъ,
Не нарушая строгихъ повелѣній
Закона.

Елисавета.

Мы пріищемъ, лорды, средство
Прилично согласить движенія сердца
Съ необходимостью. Прошу оставить
Меня одну.

(*Лорды уходятъ. Королева останавли-
ваетъ Мортимера*).

Сэръ Мортимеръ! Пойдите!

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Елисавета и Мортимеръ

Елисавета (*бросая на Мор-
тимера испытующій взглядъ*).

Въ васъ много смѣлости, и не по лѣтамъ
Вы показали рѣдкое умѣнье
Владѣть самимъ собою. Кто такъ рано
Уже проникъ тяжелую науку
Притворствоватъ,—такого человѣка
Я уважаю. Онъ себя избавилъ
Отъ многихъ горькихъ испытаній въ жизни.
Судьба готовитъ вамъ удѣлъ высокій;
Я смѣло вамъ предсказываю это;
И къ счастью для васъ теперь сама
Берусь свое исполнить предсказанье.

Мортимеръ.

Владычица! Тебѣ я посвящаю
Всего себя!

Елисавета.

Вы знаете моихъ
Враговъ; ихъ ненависть непримирима,
Ихъ замыслы кровавые обширны.
Хотя до сей поры себя считала
Я безопасной подъ защитой власти;
Но все-таки шатка моя корона,
Пока останется живою та,
Которая фанатикамъ безумнымъ
Даетъ предлогъ въ волненіяхъ и смутамъ
И дерзкія надежды ихъ питаетъ.

Мортимеръ.

Тебѣ лишь стоять повелѣтъ и больше
Ея не будетъ.

Елисавета.

Да, казалось мнѣ,
Что цѣли я своей уже достигла,
А между тѣмъ лишь начинать должна.
Я думала, что, давши ходъ закону,
Сама умою руки въ этомъ дѣлѣ.

Судъ произнесъ надъ ней свой приговоръ.
Что-жь, лучше ль мнѣ? Онъ долженъ быть
исполненъ

И отъ меня зависить исполненъе.
Объ этомъ даже страшно мнѣ помыслить
Должна я утвердить рѣшеніе судей,
Но подпиши, всё въ голосъ закричать,
Что я сама хотѣла. Вотъ что страшно!

Мортимеръ.

Пускай кричатъ! Чего тебѣ бояться,
Когда ты поступаешь справедливо?

Елисавета.

Ахъ, Мортимеръ! Не знаете вы свѣта.
Онъ судить лишь по виду, не заботясь
О томъ, какъ было. Кто повѣритъ мнѣ,
Что я имѣла право? Нужно, чтобъ
Участіе мое въ ея кончинѣ
Навѣки оставалось подъ сомнѣнъемъ.
Въ подобныхъ нерѣшительныхъ дѣлахъ
Одно спасенъе—мракъ. Кто признается,
Тотъ дурно дѣлается, а кто молчитъ,
Тотъ не теряетъ ничего.

Мортимеръ. (*мысливо*).

Такъ значить,

Нѣтъ лучше, какъ...?

Елисавета.

Конечно было-бъ лучше...

Мой добрый ангелъ говорить за васъ.
Смѣлѣе, благородный сэръ, на подвигъ!
Мой планъ вы отгадали; вы не то,
Что дядя вашъ...

Мортимеръ (*смутившись*).

А вы ему открылись?

Елисавета.

Я каюсь въ этомъ.

Мортимеръ.

Извини его,

Онъ старъ. Мы осторожнѣе съ лѣтами.
На столь отчаянный поступокъ можетъ
Дерзнуть одинъ лишь юноша отважный.

Елисавета (*быстро*).

Могутъ ли я..?

Мортимеръ.

Надѣйся на меня,

Но защищай, какъ знаешь...

Елисавета.

Вѣрьте мнѣ.

О, если бы когда-нибудь я встала
Съ извѣстіемъ, что злѣйшій врагъ мой Стю-
артъ

Прошедшей ночью умерла!

Мортимеръ.

Надѣйся!

Елисавета.

Усну ли я когда-нибудь спокойно?

Мортимеръ.

Твой страхъ исчезнетъ съ будущей луной.

Елисавета.

Прощайте, сэръ! Прошу не забывать,
Что лучшая достойному награда

Должна скрываться въ черномъ мракѣ ночи.
Молчаніе есть богъ счастливыхъ смертныхъ...
Нѣжнѣй и крѣпче связь подъ кровомъ тайны.
(*Уходитъ*.)

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Мортимеръ (*одинъ*).

О, живое, коварное созданье!
Какъ хочется мнѣ обмануть тебя,
Какъ ты другихъ обманывать умѣешь.
И право, кто тебя предастъ, измѣнитъ,
Тотъ только совершитъ святое дѣло!
Похожъ ли я, скажите, на убійцу?
Въ моихъ глазахъ замѣтна-ль жажда крови?
Довѣрся только мнѣ, да не мѣшайся
Сама. Какъ хочешь, лицемѣрь предъ свѣтомъ!
Межъ тѣмъ, какъ будешь ты на мой ударъ
Разсчитывать, мы выиграемъ время.
Ты хочешь наградить меня и кажешь
Мнѣ издали приманку дорогую,
Себя, быть можетъ и свою любовь!
Любовь!—не надо мнѣ твоихъ даровъ,
Ничтожна для меня твоя награда;
Въ ней лишь одной моей души отрада;
Вокругъ нея, какъ свѣтлый рой духовъ,
Порхаютъ грезы юношескихъ сновъ;
Въ ней чудно все—лицо и голосъ нежный.
И умъ, и прелесть груди бѣлоснѣжной!
Ты можешь лишь богатства обѣщать!
Не знала ты высокаго мгновенья,
Когда душа, въ пылу самозабвенья,
Другой душѣ готова все отдать;—
Не знала ты любви взаимной наслажденья...
Мнѣ нужно поскорѣй увидѣть графа
И передать ему письмо Маріи...
Ужь это порученье! Ненавижу
Я этого пролаза... Я спасу
Ее, одинъ лишь я... Мнѣ одному—
И слава, и опасность, и награда!
(*Въ то время, какъ хочетъ идти, встрѣ-
чается съ Паулетомъ*.)

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Мортимеръ и Паулетъ.

Паулетъ.

Ну, что тебѣ сказала королева?

Мортимеръ.

Такъ... Ничего...

Паулетъ (*устраемляясь на
несю зоркій взглядъ*).

Послушай, Мортимеръ!

Ты выбралъ очень скользкую дорогу!

Заманчиво, конечно, у царей

Быть въ милости, а молодость къ тому же
Честолюбива, но смотри, любезный,
Чтобъ не погибнулъ ты отъ честолюбья—

Мортимеръ.

Не вы ли сами, дядюшка, старались
Меня представить ко двору?

Паулетъ.

Да, лучше-бъ

Мнѣ этого не дѣлать. Наши предки
Не при дворѣ себѣ стяжали славу.
Будь твердъ, пламенный, неподкупенъ будь!
И ничего на совѣсть не бери.

Мортимеръ.

Что съ вами? Что такъ сильно васъ тревожить?

Паулетъ.

Какую бы награду ни сулила
Она тебѣ, — не вѣрь ей коварнымъ
Рѣчамъ. И если совершишь убійство,
Послушавшись ея, — она, пожалуй,
Откажется отъ словъ своихъ, — чтобъ только
Не запятнать себя.

Мортимеръ.

Убійство — вы

Сказали?..

Паулетъ.

Да, къ чему тутъ притворяться?

Я знаю вѣдь о чемъ она хлопочетъ;
Надѣется, что юноша столь жадный
До почестей, сговорчивѣе будетъ,
Чѣмъ я, старикъ упрямый. Что-жъ, навѣрно
Ты обѣщалъ ей!

Мортимеръ.

Дядюшка!

Паулетъ.

Ну, если

Ты это сдѣлалъ, съ глазъ моихъ долой!
Я проклянута тебя.

Лейчестеръ (*входитъ*).

Позвольте мнѣ,

Почтенный сэръ, сказать два слова съ вашимъ
Племеникомъ. Къ нему такъ благосклонна
Ея величество. Она желаетъ,
Чтобъ леди Стюартъ ввѣрена была
Неограниченно его надзору.
Она надѣется вполне на честность
Его...

Паулетъ.

Она надѣется — прекрасно!

Лейчестеръ.

Что этимъ вы сказать хотите, сэръ?

Паулетъ.

Пусть королева на него вполне
Надѣется; а я, милордъ, надѣюсь
На зоркость глазъ моихъ и на себя.

(*Уходитъ*.)

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Лейчестеръ и Мортимеръ.

Лейчестеръ (*съ изумленіемъ*).

Находить что ли на него?

Мортимеръ.

Не знаю, —

Довѣренность, какъ видно, королевы...

Лейчестеръ (*смотря на него
съ недоувѣрчивостію*).

Могу ли я быть съ вами откровеннымъ?

Мортимеръ (*съ недоувѣрчиво-
стію*).

Я васъ хотѣлъ спросить, милордъ, о томъ же.

Лейчестеръ.

Вы что-нибудь желаете сказать

Мнѣ по секрету?

Мортимеръ.

Да, но только прежде

Позвольте мнѣ увѣриться, что вы...

Лейчестеръ.

А кто за васъ мнѣ можетъ поручиться?

Я вамъ не доверяю, извините;

Вы при дворѣ играете двѣ роли;

Которая-нибудь изъ нихъ фальшива.

Гдѣ жъ истина?

Мортимеръ.

Вы тоже, графъ, двуличны.

Лейчестеръ.

Его-жъ первый сдѣлаетъ изъ насъ начало?

Мортимеръ.

Его менѣе рискуетъ.

Лейчестеръ.

Значитъ, вы!

Мортимеръ.

Нѣтъ, вы скорѣй! Единственное слово

Столь сильнаго, значительнаго лорда

Меня, пожалуй, можетъ уничтожить.

Мои-жъ слова вамъ повредить не могутъ...

Лейчестеръ.

Напрасно, сэръ. Быть можетъ, въ чемъ другимъ

Я силенъ, но въ томъ дѣлѣ щекотливомъ,

Что вамъ хочу довѣрить, бесполезно

Придворное вліяніе мое.

Скажите только слово, — я погибъ.

Мортимеръ.

Ужъ если всемогущій лордъ Лейчестеръ

Мнѣ въ этомъ признается такъ смиренно,

То отчего же мнѣ не похвалиться,

Что я умѣю быть великодушнымъ.

Лейчестеръ.

Довѣрьтесь мнѣ сначала, а потомъ...

Мортимеръ (*вынимая письмо*).

Письмо къ вамъ отъ шотландской королевы.

Лейчестеръ (*вскрикиваетъ
и поспѣшно беретъ
письмо*).

Тсъ, тише, сэръ! Ахъ, что я вижу! Это
Ея портретъ!

(*Цѣлуетъ и смотритъ на него съ нѣмымъ
восторгомъ*.)

Мортимеръ (*который, во
время чтенія, строю
слѣдитъ за нимъ*).

Милордъ! теперь я вѣрю.

Лейчестеръ (*пробѣжавши письмо*).

Сэръ Мортимеръ! Извѣстно вамъ, что тутъ написано?

Мортимеръ.

Не знаю.

Лейчестеръ.

Вѣроятно,

Она сказала вамъ?

Мортимеръ.

Она ни слова

Не говорила мнѣ. Сказала только, что вы загадку эту объясните мнѣ сами. Признаюсь, для меня Базалося загадкой, что графъ Лестеръ, Любимецъ королевы, врагъ Маріи, Судья ея неумолимый, долженъ Подать ей руку помощи въ несчастіи. И между тѣмъ я вижу, это—правда; Во взорахъ вашихъ ясно я читаю, Все то, что ваша чувствуетъ душа.

Лейчестеръ.

Скажите жъ напередъ, что заставляеть Васъ принимать столь сильное участіе Въ ея судьбѣ и чѣмъ вы такъ успѣли Снискать ея довѣренность?

Мортимеръ.

Милордъ!

Я это объясню въ словахъ немногихъ. Вы знаете, что въ Римѣ я отрекся Отъ вѣры, съ Гизами вошелъ въ сношеніе. Архіепископъ Реймскій мнѣ довѣрилъ Отдать письмо шотландской королевы.

Лейчестеръ.

Я зналъ, что вы переѣхали вѣру, И этикъ самымъ вы приобрѣли Довѣренность мою. Сэръ! дайте руку. Простите мнѣ, что въ васъ я усумнился. Но для меня теперь необходимо Быть осторожнымъ. Вальсингемъ и Борлейгъ Меня возненавидѣли за что-то. Я окруженъ ихъ тайными сѣтями; Какъ знать, и вы могли быть ихъ орудіемъ, Чтобъ въ эти сѣти заманить меня.

Мортимеръ.

И вы, съ такою силой при дворѣ, Бѣтаете ихъ!.. Графъ Лестеръ, мнѣ васъ жаль!

Лейчестеръ.

О, какъ я радъ, что въ дружескихъ объятіяхъ Мнѣ можно сбросить бремя принужденія. Васъ удивляетъ, сэръ, что я такъ быстро Къ Маріи Стюартъ измѣнился въ чувствахъ. Я никогда къ ней злобы не питалъ, И сдѣлался врагомъ ея случайно: Ея рука, какъ вамъ извѣстно, прежде, Чѣмъ отдала она ее Дарилею, Предназначалась мнѣ. Въ тѣ времена Она еще величіемъ сіяла. Но я сурово счастье оттолкнулъ...

И вотъ, когда она въ тюрьмѣ, обречена, Я къ ней стремлюсь съ опасностію жизни.

Мортимеръ.

Великодушье руководить вами.

Лейчестеръ.

А обстоятельства ужъ измѣнились. Мой духъ честолюбивый былъ причиною, Что къ юности ея и красотѣ Я былъ безчувственъ. Я мечталъ въ то время, Что мало для меня руки Маріи, Я думалъ обладать Елисаветой.

Мортимеръ.

Извѣстно, что она предпочитала Васъ всѣмъ...

Лейчестеръ.

Да такъ казалось въ самомъ дѣлѣ. И вотъ прошло ужъ десять лѣтъ напрасныхъ Стараній, десять долгихъ лѣтъ притворства... Ахъ, сэръ, я больше выдержать не въ силахъ. Съ моею души хочу я сбросить бремя Страданій... Всѣ зовутъ меня счастливымъ—О, еслибъ знали, что это за цѣпи, Которымъ такъ завидуютъ они! Я десять лѣтъ колѣна преклонялъ Передъ капризнымъ, гордымъ истуканомъ, Я исполнялъ всѣ прихоти ея, Какъ безотвѣтный рабъ передъ султаномъ. И своенравія ея игрушка. Меня сегодня съ нѣжностью ласкала, Чтобъ завтра же отвергнуть такъ надменно. И быстрый гнѣвъ ея и благосклонность Равно всегда мучительны мнѣ были. Какъ узника стоглазый зоркій аргусъ Она меня ревниво стерегла; Какъ мальчика допросами терзала; Бранила какъ слугу... нѣтъ выраженій, Чтобъ описать весь этотъ адъ мученій!..

Мортимеръ.

Мнѣ жаль васъ, графъ.

Лейчестеръ.

И вотъ у самой цѣли

Изъ рукъ я долженъ выпустить добычу. Является другой и похищаетъ Плоды столь продолжительныхъ стараній. Блестящій молодой французскій принцъ Меня лишаетъ всѣхъ давнишнихъ правъ. Теперь я принужденъ сойти со сцены, Гдѣ столько лѣтъ всегда я первымъ былъ. Соперникъ у меня съ рукою вмѣстѣ Грозитъ похитить сердце королевы. Она вѣдь женщина, а онъ—прекрасенъ.

Мортимеръ.

Онъ сынъ Екатерины. Въ этой школѣ Онъ изучилъ вполнѣ искусство лести.

Лейчестеръ.

И такъ исчезъ послѣдній лучъ надежды! Корабль со счастьемъ моимъ разбился... И вотъ, ища въ отчаяніи опоры, Мои невольно обратилъ я взоры Къ мечтѣ моихъ прекрасныхъ юныхъ лѣтъ...

Маріи образъ предо мною снова
 Возсталъ во всемъ величїи и блескѣ,
 И снова красота ея и юность
 Въ свои права законныя вступили.
 Теперь ужъ не холодный эгоизмъ,—
 Въ груди моей заговорило сердце.
 И я почувствовалъ, чего лишился,
 Я съ ужасомъ увидѣлъ бездну зла,
 Въ которую несчастная упала,—
 И я вивомъ былъ ея паденья.
 Потомъ во мнѣ надежда родилась:
 Ее спасти и ею обладать...
 Я сердце ей открылъ... и, вотъ письмо,
 Доставленное нами, мнѣ сказало,
 Что я прощень, и, въ случаѣ спасенья,
 Ея рука мнѣ будетъ награжденьемъ.

Мортимеръ.

Но что-жъ вы сдѣлали до сей поры?
 Позволили, чтобы ее судили,
 И сами голосъ подали за смерть!
 Тутъ нужно было чуду совершиться...
 Свѣтъ правды долженъ былъ проникнуть въ
 сердце

Племянника того, кто былъ ей стражемъ.
 И нужно, чтобы въ Римѣ, въ Ватиканѣ
 Ей избавителя послало небо.
 Иначе бъ никогда ей не найти
 Къ вамъ доступа...

Лейчестеръ.

Ахъ, сэръ, меня все это
 Ужасно мучило! Ее въ то время
 Изъ замка Талбота перевели
 Въ Фетерингъ, вполнѣ препоручая
 Суровому надзору Паулета.
 Съ тѣхъ поръ ее нельзя мнѣ было видѣть.
 Я долженъ былъ прикинуться предъ свѣтомъ
 Ея врагомъ; не думайте, однако жъ,
 Чтобы я ея погибели хотѣлъ...
 О, нѣтъ! я все надѣялся и даже
 Теперь надѣюсь отворотить бѣду
 И только средствъ ищу къ ея спасенью.

Мортимеръ.

Они ужъ найдены. Вы были, Лестеръ,
 Ко мнѣ довѣрчивы, я отплатить
 Вамъ тѣмъ же постараюсь. Я намѣренъ
 Ее спасти, затѣмъ и къ вамъ явился.
 Ужъ все готово. Только помогите,
 И я могу ручаться за успѣхъ.

Лейчестеръ.

Ахъ, что вы говорите, сэръ? Мнѣ страшно...
 Какъ? Вы хотите...?

Мортимеръ.

Силою ворваться
 Въ ея тюрьму. Мои друзья готовы...

Лейчестеръ.

У васъ сообщники, друзья! О, горе!
 Куда хотите вы меня увлечь!
 И тайна ужъ моя извѣстна имъ?

Мортимеръ.

Не безпокойтесь. Планъ безъ васъ былъ сдѣланъ,

Безъ васъ онъ также былъ бы и исполненъ,
 Когда-бъ она такъ сильно не желала
 Спасеньемъ быть обязанной лишь вамъ.

Лейчестеръ.

Ручаетесь ли вы, что въ вашемъ списокѣ
 Не упомянуть я?

Мортимеръ.

О, будьте, графъ,
 Спокойны! Какъ вы осторожны! Странно.
 Васъ вѣсть о помощи такъ испугала
 Вамъ хочется освободить Марію,
 Назвать ее своею; вдругъ неожиданно
 Находите друзей, вамъ само небо
 Указываетъ средства... вы боитесь.
 Когда вамъ только радоваться нужно.

Лейчестеръ.

Тутъ силою взять нельзя и рисковать
 Опасно.

Мортимеръ.

Но и медлить тоже худо.

Лейчестеръ.

Я говорю вамъ, сэръ, тутъ рискъ опасенъ.

Мортимеръ (*кожко*).

Быть можетъ для того, кто хочетъ ею
 На вѣки обладать; а мы хотимъ
 Ее спасти, и все-таки не трусимъ...

Лейчестеръ.

Мой юный другъ! Не слишкомъ ли отважно
 Беретесь вы за подвигъ столь опасный?

Мортимеръ.

А вы, милордъ, не черезъ чуръ ли робки,
 Когда идетъ о вашей чести дѣло?

Лейчестеръ.

Я вижу, мы опутаны сѣтями.

Мортимеръ.

Я чувствую въ себѣ довольно силы
 Ихъ разорвать.

Лейчестеръ.

Но это безразсудно.

Мортимеръ.

Благоразуміе не храбрость, лордъ.

Лейчестеръ.

Вамъ жребій Бабингтона такъ завиденъ?

Мортимеръ.

Вы подражать Норфольку не хотите?

Лейчестеръ.

Норфолькъ, увы, не спасъ своей невѣсты.

Мортимеръ.

Онъ доказалъ, что былъ ея достоинъ.

Лейчестеръ.

Погибнемъ мы,—погибнетъ и она.

Мортимеръ.

Но трусостью ее мы не спасемъ.

Лейчестеръ.

Вы не хотите ни судить, ни слушать,
 И все испортите слѣпой отвагой,
 Что было такъ направлено прекрасно.

Мортимеръ.

Направлено прекрасно... кѣмъ же? вами?
 Что жъ сдѣлали вы для ея спасенья?

И какъ? Ну, еслибъ я столь подлымъ былъ,
Что захотѣлъ бы умертвить ее,
Какъ это мнѣ велѣла королева,
И ждетъ теперь навѣрно исполненія!
Скажите, чтобъ вы сдѣлали тогда,
Чтобы ее избавить отъ убійцы?

Лейчестеръ.
Ужели королева вамъ велѣла
Ее убить?

Мортимеръ.
Но только обманулась
Во мнѣ, какъ въ васъ обманется Марія.
Лейчестеръ.
И вы ей общались?

Мортимеръ.
Общалаъ,
Въ надеждѣ, чтобъ другихъ не подкупила.
Лейчестеръ.
Прекрасно, это намъ послужить въ пользу,

Марія же останется въ живыхъ, —
Что жъ будетъ новаго въ ея судьбѣ?
Свободной ей уже не быть, конечно,
И лучшее, что можетъ съ ней случиться,
Запрутъ ее въ тюрьму и ужъ на вѣки.
Тутъ нуженъ смѣлый шагъ, и почему
Вамъ не начать съ того, чѣмъ надо кончить?
Вся власть у васъ въ рукахъ, и только сто-
итъ

Вооружить дворянъ, живущихъ въ замкахъ,
И войско ужъ готово! У Маріи
Все еще есть хоть скрытные друзья!
Извѣстные дома, Говардъ и Перси,
Хотя вождей своихъ уже лишились,
Но все еще героями богаты;
Они лишь ждутъ, чтобъ подалъ имъ примѣръ
Какой-нибудь могущественный лордъ.
Къ чему притворство? Дѣйствуйте открыто!
Возлюбленную вы, какъ храбрый рыцарь,

„И вы ей общались?“

Пока она надѣется на вашу
Услугу, смертный приговоръ межъ тѣмъ
Останется безъ исполненія; мы же
Черезъ это выиграемъ время.

Мортимеръ.

Нѣтъ,

Мы потеряемъ время!

Лейчестеръ.

Въ васъ она

Увѣрена, и, значитъ, ей не трудно
Явить предъ свѣтомъ милость хоть для виду.
Быть можетъ, я склонить ее успѣю
Противницу въ темницѣ посѣтить.
А это навсегда ей свяжетъ руки.
Лордъ Борлейгъ правъ. Какъ скоро королева
Ее увидитъ, приговоръ не можетъ
Ужъ быть исполненъ. Да, я попытаюсь,
Употреблю всѣ средства...

Мортимеръ.

Что же будетъ

Изъ этого? Положимъ, королева
Узнаетъ точно о моей измѣнѣ,

Возьмите подъ защиту; бейтесь честно!
Вы властелинъ британской королевы,
Вамъ стоитъ заманить ее въ свой замокъ,
(Гдѣ съ вами ей бывать не въ первый разъ),
Тамъ докажете ей свои права,
Какъ мужъ, какъ повелитель говорите;
До той поры въ плѣну ее держите,
Пока Стюартъ не дастъ она свободы.

Лейчестеръ.

Я удивляюсь... Страшно и подумать,
Куда увлечъ васъ можетъ сумасбродство.
Не знаете вы развѣ, что такое
Нашъ дворъ и что теперь тамъ происходитъ?
Не знаете, какъ всѣ умы подвластны
Желѣзной волѣ нашей королевы.
Вы въ Англіи хотите воскресить
Геройскій прежній духъ? Повѣрьте, тщетно—
Здѣсь женщина все держитъ подъ замкомъ
И мужеству давно подбиты крылья.
Послушайтесь совѣта, не рискуйте...
Постойте... чу!.. сюда идутъ... Ступайте!